

**Дэвид
Гребер**

**Долг:
первые 5000
лет истории**

Масштабное и революционное
исследование истории товарно-
денежных отношений

**Ad
Marginem**

Дэвид Гребер

Долг: первые 5000 лет истории

«Ад Маргинем Пресс»

2011, 2012, 2014

УДК 336.77(092)
ББК 65.262-03

Гребер Д.

Долг: первые 5000 лет истории / Д. Гребер — «Ад Маргинем Пресс», 2011, 2012, 2014

ISBN 978-5-91103-729-1

Эта книга — масштабное и революционное исследование истории товарно-денежных отношений с древнейших времен до наших дней, предпринятое американским антропологом, профессором Лондонской школы экономики и активистом, одним из «антилидеров» движения Occupy Wall Street, Дэвидом Гребером (1961–2020). Гребер, опираясь на антропологические методы, выдвигает тезис, что в основе того, что мы традиционно называем экономикой, лежит категория долга, которая на разных этапах развития общества может принимать формы денег, бартера, залогов, кредитов, акций и так далее. Один из императивов книги — вырвать экономику из лап «профессиональных экономистов», доказавших свою несостоятельность во время последнего мирового кризиса, и поместить ее в более широкий контекст истории культуры, политологии, социологии и прочих гуманитарных дисциплин. Для широкого круга читателей. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 336.77(092)

ББК 65.262-03

ISBN 978-5-91103-729-1

© Гребер Д., 2011, 2012, 2014
© Ад Маргинем Пресс, 2011, 2012,
2014

Содержание

Глава I	6
Глава II	20
Глава III	36
Государство и кредитные теории денег	39
В поисках мифа	44
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Дэвид Гребер
Долг: первые 5000 лет истории

© David Graeber, 2011, 2012, 2014

© ООО «Ад Маргинем Пресс», 2015, 2016, 2021, 2023

Глава I

Об опыте нравственной путаницы

долг

*сущ. 1) сумма денег, взятая взаймы; 2) денежное обязательство;
3) чувство благодарности за оказанное одолжение или услугу.*

Оксфордский словарь английского языка

Если вы должны банку сто тысяч долларов, вы принадлежите банку. Если вы должны банку сто миллионов долларов, банк принадлежит вам.

Американская пословица

Два года назад, по странному стечению обстоятельств, я оказался на пикнике в Вестминстерском аббатстве. Мне там было не очень уютно. Не то чтобы остальные гости были неприятны или недружелюбны; да и отец Грейм, устроивший пикник, был исключительно радушным и обходительным хозяином. Но я себя чувствовал не в своей тарелке. В какой-то момент отец Грейм подошел ко мне и сказал, что у фонтана неподалеку стоит человек, с которым я точно захочу пообщаться. Этим человеком оказалась элегантная, хорошо одетая молодая женщина, которая, как он мне объяснил, была адвокатом. «Но она скорее активист – работает в фонде, который предоставляет юридическую поддержку группам, борющимся с бедностью в Лондоне. Я думаю, вам есть о чем поговорить».

Мы стали болтать. Она рассказала о своей работе, я – что много лет участвую в движении за глобальную справедливость, «антиглобалистском движении», как его обычно называют в СМИ. Ей это было интересно: она, разумеется, много читала о Сиэтле, Генуе, слезоточивом газе и уличных столкновениях, но... чего мы всем этим добились?

– На самом деле, – сказал я, – по-моему, за эту пару лет нам удалось добиться на удивление многого.

– Например?

– Ну например, нам удалось почти полностью уничтожить МВФ.

Что такое МВФ, она вообще не знала – такое часто встречается. Тогда я пояснил, что Международный валютный фонд действует в основном как мировой выбиватель долгов: «Можно сказать, что в мире высоких финансов это эквивалент тех ребят, которые приходят и ломают тебе ноги». Я пустился в исторические объяснения и рассказал, как во время нефтяного кризиса 1970-х годов страны ОПЕК закачали свалившиеся на них богатства в западные банки, так что те не знали, куда вложить все эти деньги; как Citibank и Chase стали отправлять по всему миру своих агентов, которые должны были убедить диктаторов и политиков стран третьего мира брать займы (в те времена это называлось «динамичными банковскими услугами»); как они предложили крайне низкие процентные ставки, которые почти сразу взлетели до 20 % или около того из-за ужесточения монетарной политики в США в начале 1980-х годов; как в 1980–1990-е годы это привело к долговому кризису в странах третьего мира; как затем в дело вступил МВФ, который, стремясь добиться от бедных стран возвращения займов, стал настаивать на том, чтобы они отказались от субсидирования цен на базовые продукты питания или даже от политики поддержания стратегических продовольственных резервов, а также от бесплатного здравоохранения и бесплатного образования; как всё это привело к крушению системы оказания необходимой помощи самым бедным и обездоленным людям на Земле. Я говорил о бедности, о расхищении общих ресурсов, крушении обществ, неискоренимом насилии, недоедании, беспросветности и погубленных жизнях.

– Но какова была *ваша* позиция? – спросила меня юрист.

– Относительно МВФ? Мы хотели его упразднить.

– Нет, я имела в виду долг стран третьего мира.

– О, его мы тоже хотели упразднить. Мы требовали от МВФ, чтобы он немедленно прекратил навязывать программы структурных реформ, которые наносили странам прямой ущерб, и нам удалось этого добиться на удивление быстро. Более долгосрочной целью была долговая амнистия. Нечто в духе библейского отпущения грехов. По нашему мнению, – сказал я ей, – тридцати лет перекачивания денег из беднейших стран в богатейшие достаточно.

– Но, – возразила она так, как если бы это было само собой разумеющимся, – они заняли деньги! Разумеется, каждый должен выплачивать свои долги.

Тут я понял, что наш разговор будет идти совсем в ином ключе, чем я себе представлял.

С чего начать? Я мог бы объяснить, что эти займы брали никем не избранные диктаторы и затем прямиком переводили их на свои счета в швейцарском банке, и попросить ее оценить, насколько справедливо требовать, чтобы долги кредиторам не возвращались диктатором или хотя бы его друзьями, а выплачивались за счет того, что голодных детей в буквальном смысле лишали пищи. Или подумать о том, сколько из этих бедных стран уже выплатили по три-четыре раза то, что занимали, но благодаря волшебству сложного процента это особенно не сказывается на основной сумме долга. Я мог бы также заметить, что есть разница между тем, когда долг рефинансируется, и тем, когда рефинансирование долга обуславливается требованием, чтобы эти страны следовали ортодоксальным экономическим принципам свободного рынка, которые разрабатывались в Вашингтоне или Цюрихе и которые не получали и никогда не получают одобрения граждан этих стран, и что не совсем честно сначала добиваться от этих стран принятия демократических конституций, а потом настаивать на том, чтобы избранные лица, кем бы они ни были, не могли контролировать проводимую страной политику. Или что экономические принципы, навязываемые МВФ, просто не работают. Но была более существенная проблема, которая заключалась в самом допущении, что долги *должны* выплачиваться.

Действительно, особенность утверждения, что «каждый должен выплачивать свои долги», заключается в том, что даже в соответствии со стандартной экономической теорией это неправда. Предполагается, что кредитор берет на себя определенную степень риска. Если бы все займы, сколь бы идиотскими они ни были, должны были бы возвращаться – скажем, если бы не было законов о банкротстве, – то результаты были бы ужасными. Разве у кредитора были бы причины не выделять глупый заем?

«Да, я знаю, что это кажется очевидным, – сказал я, – но самое забавное в том, что с экономической точки зрения займы не должны так работать. Предполагается, что благодаря финансовым институтам денежные ресурсы превращаются в выгодные капиталовложения. Если бы банк гарантированно получал обратно свои деньги плюс процент вне зависимости от того, что он делал, система бы не работала. Представьте, что я отправлюсь в ближайшее отделение Королевского банка Шотландии и скажу «Знаете, я тут получил точные сведения о лошадях, участвующих в скачках. Что, если вы мне одолжите пару миллионов фунтов?» Разумеется, они лишь посмеются надо мной. А всё потому, что они знают, что если моя лошадь не придет первой, то они ни за что не смогут получить свои деньги обратно. А теперь представьте, что есть закон, согласно которому они гарантированно получают свои деньги, что бы ни произошло, пусть даже это означает, что я должен – не знаю – отдать мою дочь в рабство, или продать органы, или сделать еще что-нибудь в таком роде. Ну в таком случае почему бы и нет? Зачем с нетерпением ждать, пока зайдет кто-то, у кого есть толковый план по созданию прачечной или чего-то подобного? В сущности, именно такую ситуацию МВФ создал в глобальном масштабе – иначе откуда бы взялись все эти банки, стремящиеся всучить миллиарды долларов первой же попавшейся кучке жуликов?»

Продвинуться дальше мне не удалось, потому что как раз в этот момент появился подвыпивший финансист, услышавший, что мы говорим о деньгах, и начавший рассказывать забавные истории о моральном риске, которые очень скоро перетекли в долгий и не очень захватывающий отчет об одном из его завоеваний на личном фронте. Меня стало клонить ко сну.

Однако на протяжении нескольких следующих дней у меня в голове продолжала звучать эта фраза: «Разумеется, каждый должен выплачивать свои долги».

Ее сила в том, что она представляет собой утверждение не экономического, а нравственного порядка. В конце концов, разве нравственность не подразумевает, что нужно выплачивать долги? Возвращать людям то, что ты им должен. Брать на себя ответственность за свои действия. Выполнять свои обязательства по отношению к другим и вместе с тем ожидать, что другие будут выполнять свои обязательства по отношению к тебе. Можно ли найти более очевидный пример увливания от ответственности, чем отказ от обещания или неуплата долга?

Я понял, что именно кажущаяся самоочевидность делала это утверждение таким коварным. Логика такого рода может превратить самые ужасные вещи в нечто совершенно безобидное и заурядное. Мои слова могут показаться резкими, но к такого рода вещам трудно относиться иначе, если ты видел их последствия своими глазами. Я видел. Почти два года я жил в горах Мадагаскара. Незадолго до моего приезда там произошла вспышка малярии. Она оказалась особенно губительной потому, что в горных районах Мадагаскара малярию искоренили много лет назад и два поколения спустя большинство жителей утратили к ней иммунитет. Проблема состояла в том, что на программу уничтожения малярийных комаров требовались деньги, поскольку было необходимо постоянно контролировать их численность и проводить обработку инсектицидами, если они начинали активно размножаться. Но из-за бюджетной экономии, навязанной МВФ, правительству пришлось сократить программу мониторинга. Эпидемия унесла жизни десяти тысяч человек. Я видел молодых матерей, оплакивавших своих погибших детей. Ясно, что гибель десяти тысяч человек трудно оправдать тем, что иначе Citibank пришлось бы списывать убытки по безответственно выданному займу, который не имел для баланса банка особенного значения. Но вот приличный человек, работающий ни много ни мало в благотворительной организации, считает это само собой разумеющимся. В конце концов, они были должны, а каждый должен выплачивать свои долги.

* * *

Несколько недель подряд эта фраза крутилась у меня в голове. Почему долг? Что придает этому понятию такую странную силу? Потребительский долг – двигатель нашей экономики. Все современные национальные государства построены на основе бюджетного дефицита. Долг превратился в ключевой вопрос международной политики. Но, похоже, никто точно не знает, что это такое и как его осмыслить.

Сила этого понятия проистекает из самого нашего неведения о том, что такое долг, из самой его гибкости. Если история чему-нибудь учит, то ее урок таков: нет лучшего способа оправдать отношения, основанные на насилии, и придать им нравственный облик, чем выразить их языком долга, – прежде всего потому, что это сразу создает впечатление, будто сама жертва делает что-то не так. Это понимают мафиози. Так поступают командующие победоносными армиями. На протяжении тысяч лет агрессоры могли говорить своим жертвам, что те им что-то должны: они «обязаны им своими жизнями» (фраза, говорящая сама за себя) просто потому, что их не убили.

Скажем, в наши дни военная агрессия квалифицируется как преступление против человечности и международные суды, когда рассматривают такие дела, обычно требуют, чтобы агрессоры выплачивали компенсации. Германии пришлось выплатить огромные репарации после Первой мировой войны, а Ирак до сих пор платит Кувейту за вторжение, организован-

ное Саддамом Хусейном в 1990 году. Но долг стран третьего мира, например Мадагаскара, Боливии или Филиппин, как представляется, работает совершенно иначе. Почти все государства-должники третьего мира в свое время подверглись агрессии и были завоеваны европейскими странами – зачастую теми самими, которым они были должны денег. Так, в 1895 году Франция захватила Мадагаскар, свергла правившую там королеву Ранавалуну III и провозгласила страну своей колонией. Одной из первых вещей, которую сделал генерал Галлиени после «умиротворения», как это тогда называлось, стало обложение малагасийского населения высокими налогами – отчасти для возмещения расходов на завоевание, но еще и для строительства железных и шоссейных дорог, мостов, плантаций и всего прочего, что хотел построить колониальный режим: французские колонии должны были сами себя обеспечивать налогами. Малагасийских налогоплательщиков никогда не спрашивали, нужны ли им железные и шоссейные дороги, мосты и плантации, и не особо допускали к решению вопросов о том, где и как их строить ¹. Напротив, в последующие пятьдесят лет французская армия и полиция перебила немало мальгашей, которые слишком сильно сопротивлялись такому положению дел (по данным некоторых отчетов, свыше полумиллиона во время одного только восстания 1947 года). Мадагаскар никогда не наносил подобного ущерба Франции, но, несмотря на это, с самого начала мальгашам говорили, что они должны Франции денег, и по сей день им твердят, что они должны Франции, и весь остальной мир находит это утверждение справедливым. «Международное сообщество» усматривает в этой ситуации моральную проблему лишь тогда, когда чувствует, что малагасийское правительство слишком медленно выплачивает свои долги.

Но долг – это не только справедливость победителя; он может также служить средством наказания тех победителей, которые не должны были побеждать. Самым ярким примером этого является история Республики Гаити – первой бедной страны, попавшей в бесконечную долговую кабалу. Она была создана бывшими плантационными рабами, которые не только осмелились поднять восстание под лозунгами универсальных прав и свобод человека, но еще и разбили наполеоновские армии, посланные для того, чтобы вернуть их в неволю. Франция сразу же стала утверждать, что новая республика должна ей 150 миллионов франков в качестве возмещения убытков за экспроприированные плантации, а также на покрытие расходов на подготовку провалившейся военной экспедиции, и все остальные страны, в том числе Соединенные Штаты, согласились наложить на Гаити эмбарго до тех пор, пока долг не будет погашен. Выплатить эту сумму (приблизительно 18 миллиардов долларов в сегодняшних ценах) было невозможно, а последовавшее эмбарго сделало название «Гаити» синонимом долга, бедности и человеческой нищеты ².

Но иногда долг означает ровно противоположное. Начиная с 1980-х годов Соединенные Штаты, настаивавшие на строгих условиях выплаты долга странами третьего мира, стали наращивать военные расходы и сами накопили такие долги, которые легко затмили задолженность всех стран третьего мира, вместе взятых. Внешний долг США облекается в форму казначейских облигаций, которые держат институциональные инвесторы в странах, являющихся в большинстве случаев американскими военными протекторатами (Германия, Япония, Южная Корея, Тайвань, Таиланд, государства Персидского залива). Они покрыты базами США, напичканными оружием и оборудованием, которые как раз оплачиваются бюджетным дефицитом. Сейчас, поскольку в игру вступил Китай (Китай – отдельный случай, ниже мы расскажем почему), ситуация изменилась, но несильно: даже Китай полагает, что наличие у него такого

¹ С тем ожидаемым результатом, что строили их не для облегчения передвижения мальгашей по их стране, а в основном для перевозки продуктов с плантаций в порты. Оттуда товары экспортировались, а деньги от экспорта шли на строительство шоссейных и железных дорог – и круг замыкался.

² Соединенные Штаты, например, признали Республику Гаити лишь в 1860 году. Франция упорно продолжала настаивать на своем, и в конце концов Республика Гаити была вынуждена выплатить эквивалент 21 миллиарда долларов с 1925 по 1946 год: в течение большей части этого периода она была оккупирована американской армией.

количества казначейских облигаций США делает его до определенной степени заложником американских интересов, а не наоборот.

Так каким статусом обладают деньги, которые постоянно текут в американскую казну? Это займы? Или дань? В прошлом военные державы, имевшие сотни военных баз за пределами собственной территории, было принято называть «империями», а империи регулярно требовали дани с подвластных народов. Американское правительство, разумеется, настаивает на том, что США не империя, но, как нетрудно заметить, единственная причина, по которой оно упорно называет эти выплаты «займами», а не «данью», заключается в том, что оно отрицает реальность происходящего.

С другой стороны, история знает примеры, когда с некоторыми видами долгов и некоторыми типами должников обращались иначе, чем с остальными. В 1720-е годы, когда в британской популярной прессе рассказывалось об условиях содержания в долговых тюрьмах, одна из вещей, которая больше всего шокировала публику, состояла в том, что эти тюрьмы нередко делились на две части. Аристократических узников, для которых недолгое пребывание в тюрьмах Флит или Маршалси было весьма модным времяпрепровождением, обслуживали слуги в ливреях; к ним также регулярно допускали проституток. В «бедной стороне» обнищавшие должники томились в кандалах в тесных камерах; «покрытые грязью и вшами, — как указывалось в одном из отчетов, — они страдали и гибли от голода и тюремной лихорадки»³.

В определенном смысле нынешнее положение в мировой экономике можно рассматривать как расширенную версию того же самого: США в этом случае будут привилегированным должником, Мадагаскар — бедняком, голодающим в соседней камере; а слуги привилегированного должника будут поучать его, что его проблемы — следствие его же собственной безответственности.

Во всём этом есть нечто более фундаментальное, своего рода философский вопрос, который нам стоит рассмотреть. В чем заключается разница между гангстером, который вытаскивает пистолет и вымогает у вас тысячу долларов «за крышу», и тем же гангстером, который вытаскивает пистолет и требует у вас «заем» в тысячу долларов? В принципе особой разницы нет. Но в некотором смысле есть. Если речь идет об американском долге перед Кореей или Японией, о том, что может измениться баланс сил, что Америка может утратить свое военное преимущество или что гангстер может лишиться своих подручных, то к «займу» начинают относиться совсем по-другому. Он может стать настоящим финансовым обязательством. Но ключевым элементом всё равно будет оставаться пистолет.

Есть старая водеvilная шутка, которая излагает то же самое более изящно — в данном случае в интерпретации Стива Райта:

На днях я гулял по улице с другом, и вдруг из аллеи к нам выскакивает парень с пушкой и говорит: «Руки вверх!» Пока я доставал бумажник, я думал: «Нельзя отдавать ему всё». Я взял немного денег, повернулся к другу и сказал: «Слушай, Фред, вот пятьдесят баксов, которые я тебе должен». Грабитель так возмутился, что вытащил тысячу своих долларов, заставил Фреда одолжить их мне, наведя на него пистолет, и потом забрал их себе.

В конечном счете человек с пистолетом не должен делать ничего, чего ему делать не хочется. Но для того чтобы эффективно управлять режимом, основанным на насилии, нужно установить некий свод правил. Эти правила могут быть совершенно произвольными. В сущности, неважно даже, что это за правила. Или, по крайней мере, поначалу неважно. Проблема

³ Hallam 1866 V: 269–270. Поскольку правительство не считало целесообразным платить за содержание несостоятельных должников, заключенные должны были сами полностью покрывать расходы на свое пребывание за решеткой. Если они не могли этого делать, они просто умирали с голоду.

в том, что когда кто-то начинает излагать вещи в терминах долга, то рано или поздно люди неизбежно станут задавать вопрос, кто что и кому на самом деле должен.

Споры о долгах идут уже по меньшей мере пять тысяч лет. На протяжении большей части человеческой истории – по крайней мере, истории государств и империй – большинству людей внушали, что они должники ⁴. Историки, прежде всего историки идей, не желали рассматривать человеческие последствия этого с упорством, которое тем более удивительно, если учесть, что такое положение дел больше, чем какое-либо другое, приводило к постоянному возмущению и недовольству. Если вы скажете людям, что они хуже вас, то им это вряд ли понравится, но маловероятно, что они поднимут вооруженное восстание. Если же вы им скажете, что они потенциально равны вам, но не сумели этого доказать и потому не достойны, а значит, и не должны владеть своим имуществом, то вы, скорее всего, возбудите в них ярость. Именно этому история нас и учит. На протяжении тысяч лет борьба между богатыми и бедными зачастую принимала форму конфликта между кредиторами и должниками – спора о справедливом и несправедливом проценте, о долговой кабале, амнистии, изъятии собственности за долги, возврате имущества, конфискации овец, наложении ареста на виноградники и о продаже детей должника в рабство. В то же время в последние пять тысяч лет народные восстания всякий раз начинались с одного и того же – с уничтожения долговых записей в форме табличек, папирусов, счетных книг или в любом другом виде в зависимости от места и времени. (После этого повстанцы, как правило, берутся за записи о земельных владениях и за книги оценки имущества.) Как часто повторял великий историк Античности Мозес Финли, в Древнем мире у всех революционных движений был один лозунг: «Списание долгов и передел земли» ⁵.

Наше стремление не замечать этого выглядит тем более странным, если обратить внимание на то, сколь значительная часть современной нравственной и религиозной лексики происходит напрямую из таких конфликтов. Слова «расплата» или «искупление» – наиболее очевидные примеры, взятые непосредственно из античного финансового словаря. В более широком смысле то же самое можно сказать о словах «виновный», «свобода», «прощение» и даже «грех». Споры о том, кто что и кому на самом деле должен, сыграли ключевую роль в формировании нашей базовой лексики, касающейся вопросов справедливости и несправедливости.

Тот факт, что столь значительный ее пласт родился в спорах о долгах, делает это понятие удивительно путанным. В конце концов, чтобы спорить с королем, нужно говорить на его языке вне зависимости от того, имеют смысл или нет изначальные предпосылки.

Если взглянуть на историю долга, то в первую очередь обнаруживается, что речь идет о полной нравственной путанице. Наиболее явно она проявляется в том, что повсюду большинство людей полагает, что (1) выплата денег, взятых в долг, – это вопрос элементарной порядочности и что (2) всякий, кто имеет обыкновение давать деньги в займы, есть воплощенное зло.

Хотя, конечно, мнения по этому последнему пункту различаются довольно сильно. Одной из возможных крайностей может быть ситуация, с которой столкнулся французский антрополог Жан-Клод Галей в Восточных Гималаях. Там еще в 1970-е годы низшие касты – их называли «кастами побежденных», поскольку считалось, что они происходят от населения, завоеванного много веков назад кастой нынешних землевладельцев, – жили в постоянной долговой зависимости. Не имея ни земли, ни денег, они были вынуждены просить в долг у землевладельцев, чтобы просто раздобыть еды. Просили они не потому, что им нужны были деньги – суммы эти были мизерными, – а потому, что проценты по долгу несчастные должники возвращали своим трудом. Это означало, что их, по крайней мере, обеспечивали едой и кровом

⁴ Если мы будем рассматривать ответственность за уплату налогов как долг, то должников – подавляющее большинство; долги и налоги тесно связаны, поскольку в истории необходимость собрать деньги для уплаты налогов всегда была самой частой причиной залезания в долги.

⁵ Finley 1960: 63, 1963: 24, 1974: 80, 1981: 106, 1983: 108. И это только те движения, историю которых мне удалось проследить. То, что он говорит о Греции и Риме, полностью применимо к Японии, Индии или Китаю.

в обмен на то, что они чистили отхожие места в домах кредиторов и перестилали кровлю в их сараях. Для «побежденных», как и для большинства людей в мире, самыми значительными расходами были свадьбы и похороны. На них требовалось немало денег, которые всегда приходилось занимать. Галей пишет, что в таких случаях кредиторы из высших каст обычно требовали в качестве залога одну из дочерей заемщика. Когда бедняк одалживал денег на свадьбу дочери, залогом нередко становилась сама невеста. Она должна была явиться в дом кредитора после брачной ночи, провести там несколько месяцев в качестве его наложницы, а затем, когда она ему надоедала, она отправлялась на какой-нибудь лесоповал неподалеку, где еще год-два отработывала отцовский долг, работая проституткой. После его выплаты она возвращалась к своему мужу и начинала жить семейной жизнью ⁶.

Это может шокировать и даже возмущать, но Галей не сообщает о каком-либо широко распространенном чувстве несправедливости. Каждый считал, что так просто было заведено. Не выражали по этому поводу особого беспокойства и местные брахманы, являвшиеся высшими судьями в вопросах нравственности, хотя это и неудивительно, если учесть, что они зачастую и были самыми крупными займодавцами.

Разумеется, даже здесь трудно узнать, что люди говорили за закрытыми дверями. Если бы маоистская повстанческая группировка (в этой сельской части Индии их действует несколько) установила контроль над этой территорией и привлекла местных ростовщиков к суду, мы, возможно, услышали бы самые разные точки зрения.

Однако, как я говорил, описанная Галеем ситуация представляет собой одну возможную крайность – ту, при которой сами ростовщики являются высшими нравственными авторитетами. Сравните это, допустим, со средневековой Францией, где нравственный статус займодавцев сильно оспаривался. Католическая церковь всегда запрещала ссужать деньги под проценты, но этим запретом часто пренебрегали, и церковные иерархи время от времени устраивали проповеднические кампании, отправляя нищенствующих братьев странствовать от города к городу и предупреждать ростовщиков, что если те не покаются и не вернут полностью все проценты, полученные от своих жертв, то точно попадут в ад.

Эти проповеди, многие из которых до нас дошли, полны ужасных историй о Божьем суде над нераскаявшимися займодавцами, историй о богачах, пораженных безумием или страшными болезнями, преследуемых на смертном одре кошмарами, в которых змеи или демоны разрывают их на части или пожирают их плоть. В XII веке, когда такие кампании достигли своего пика, стали применяться более прямые меры. Папская курия разослала приходским священникам инструкции, в соответствии с которыми всех известных ростовщиков следовало отлучить от церкви; они не могли получать доступ к таинствам, а их тела ни при каких условиях нельзя было хоронить на освященной земле. Около 1210 года французский кардинал Жак де Витри записал историю об очень влиятельном займодавце, друзья которого попытались заставить священника пересмотреть эти правила и позволить похоронить его во дворе местной церкви:

Поскольку друзья скончавшегося ростовщика были очень настойчивыми, священник уступил их давлению и сказал: «Давайте положим его тело на осла и посмотрим, какова будет воля Божья и что Господь сделает с телом. Куда осел его повезет, будь то в церковь, на кладбище или еще куда, там я его и похороню». Тело положили на осла, который, не сворачивая ни направо, ни налево, повез его прямоком вон из города, туда, где вешают воров,

⁶ Galey 1983.

и там так сильно столкнулся с собой труп, что тот полетел в кучу испражнений под виселицей ⁷.

В мировой литературе почти невозможно найти сочувственные описания заимодавца, во всяком случае профессионального заимодавца, под которым подразумевается тот, кто берет процент. Я не уверен, есть ли другая профессия (палачи?), у которой была бы столь же дурная репутация. Особо примечательно то, что, в отличие от палачей, ростовщики часто числятся среди самых богатых и могущественных людей в своих обществах. Само слово «ростовщик» ассоциируется с грабительскими процентами, грязными деньгами, вымогательством, продажей душ, а за всем этим стоит дьявол, которого зачастую самого представляли в виде ростовщика, зловредного счетовода с его бухгалтерскими книгами или в образе существа, маячащего за спиной ростовщика и поджидающего момента, чтобы заполучить душу подлеца, который, как это явствует из рода его занятий, заключил сделку с адом.

История знает лишь два действенных способа, при помощи которых заимодавец может попытаться избавиться от бесчестия: либо перекинуть ответственность на третью сторону, либо утверждать, что заемщик еще хуже его. Например, в средневековой Европе землевладельцы часто обращались к первому способу, используя в качестве подставных лиц евреев. Многие даже говорили о «наших» евреях, то есть о евреях, находившихся под их личной защитой, хотя на практике это обычно означало, что они сначала лишали евреев, живших на их землях, иной возможности заработать на жизнь, кроме как ростовщицеством (что обеспечивало им всеобщую ненависть), а затем периодически, называя их при этом презренными существами, обращались к ним, чтобы занять денег на свои нужды. Второй способ был, конечно, шире распространен. Но он, как правило, подталкивал к выводу о том, что и заимодавец, и заемщик в равной степени виновны; их сделка – бесчестное дело, а сами они, скорее всего, будут прокляты.

В других религиозных традициях подходы были иными. В средневековых индийских судебныхниках не только допускались процентные ссуды (с обязательной оговоркой, что проценты не должны превышать основной суммы займа), но и часто подчеркивалось, что должник, не выплативший долги, в следующей жизни родится рабом в доме своего кредитора, а в более поздних судебныхниках утверждалось, что такой должник станет его лошадью или волком. Столь же терпимое отношение к заимодавцам и предупреждения в адрес заемщиков о кармическом наказании встречаются во многих течениях буддизма. Тем не менее, когда ростовщики заходили слишком далеко, появлялись точно такие же истории, как в Европе. Один средневековый японский автор – он настаивает, что это правдивая история, случившаяся около 776 года, – рассказывает об ужасающей судьбе Хиромусиме, жены богатого правителя области. Эта невероятно жадная женщина

добавляла воду в рисовое вино, которое продавала, и получала хороший барыш с этого разбавленного саке. Когда она кому-нибудь что-нибудь одалживала, она использовала маленькую мерную чашу, но в день возвращения долга брала большую чашу. Ссужая рис, она отмеряла маленькие порции, но уплату долга брала большими. Проценты, которые она собирала насильно, были огромными: часто в десять или даже сто раз больше размера займа. Она строго взыскивала долги и ни к кому не проявляла снисхождения. Это повергало в отчаяние многих людей, которые покидали свои дома, чтобы избавиться от нее, и отправлялись бродить по другим областям ⁸.

⁷ Жак де Витри, в: Le Goff 1990: 64.

⁸ Кюкай. Записи чудесных событий в Японии (около 822 года), Сказка 26, цит. по: LaFleur 1986: 36. Также Nakamura 1996: 257–59.

После ее смерти монахи семь дней молились над заколоченным гробом. На седьмой день ее тело таинственным образом вернулось к жизни:

Те, кто приходил посмотреть на нее, ощущали неопишное зловоние. Выше талии она уже превратилась в вола с четырехдюймовыми рогами, торчащими из лба. Обе руки превратились в воловьих копыта, а ногти растрескались так, что теперь походили на роговые чехлы на воловьих копытах. Но ниже талии тело оставалось человеческим. Ей не нравился рис, она предпочитала ему траву. Пищу она пережевывала, лежа голой в собственных испражнениях ⁹.

Зеваки сбегались поглазеть на нее. Пристыженная семья отчаянно пыталась купить прощение, списывая все долги, которые ей кто-либо был должен, и жертвуя бо́льшую часть своего богатства религиозным учреждениям. В конце концов чудовище, к счастью, умерло.

Автор, который сам был монахом, считал, что эта история служила очевидным примером преждевременного перевоплощения: женщина была наказана кармическим законом за нарушение того, «что было и разумным, и справедливым». Проблема для него заключалась в том, что буддистские писания хотя и рассматривали этот вопрос, но никакого прецедента для осуждения не давали. Обычно в волов перерождались должники, а не кредиторы. В результате, когда настает время объяснить мораль этой истории, изложение становится очень сбивчивым:

Как говорит одна сутра: «Когда мы не оплачиваем вещи, которые взяли займы, мы расплачиваемся тем, что перерождаемся в лошадь или в вола». «Должник подобен рабу, а кредитор – хозяину». Или же: «Должник – это фазан, а его кредитор – ястреб». Если вы даете кому-то займы, не давите слишком сильно на должника, чтобы он расплатился. Если вы так поступите, вы переродитесь в лошадь или вола и будете работать на того, кто вам должен, и расплатитесь с ним многократно ¹⁰.

Так кто кем станет? Не могут же они оба стать скотом один в хлеву у другого.

Все великие религиозные традиции пытаются так или иначе решить этот сложный вопрос. С одной стороны, поскольку любые человеческие отношения основаны на долге, все они предвещают моральную точку зрения. Вероятно, обе стороны уже в чем-то виноваты просто потому, что вступают в отношения; по меньшей мере они подвергаются значительному риску оказаться виновными, если просрочат выплату долга. С другой стороны, когда мы говорим, что кто-то действует так, как будто «он никому ничего не должен», мы вряд ли имеем в виду, что этот человек – образец добродетели. В светском мире нравственность в основном состоит в том, чтобы выполнять обязательства по отношению к другим, и мы упорно представляем эти обязательства как долги. Возможно, монахи могут избежать этой дилеммы, полностью отрешившись от мира, но остальные, похоже, обречены на то, чтобы жить в мире, где это не имеет особого смысла.

* * *

История Хиромусиме прекрасно иллюстрирует стремление обратить обвинение против самого обвинителя. Как и в истории о мертвом ростовщике и осле, испражнения, животные и бесчестие служат инструментами поэтической справедливости, внушающими кредитору то же

⁹ Там же, 36.

¹⁰ Там же, 37.

чувство позора и унижения, что испытывает должник. Всё тот же вопрос «Кто что и кому на самом деле должен?» облекается в более яркую и резкую форму.

Это еще и прекрасный образец того, как человек, задающий вопрос «Кто что и кому на самом деле должен?», начинает говорить языком кредитора. Подобно тому как «мы расплачиваемся перерождением в лошадь или в вола», если не выплачиваем долги, «расплачиваться» придется и безрассудному кредитору. Таким образом, даже кармическое правосудие может свестись к терминам деловой сделки.

Здесь мы подходим к главному вопросу этой книги: что именно мы хотим сказать, когда говорим о том, что наше чувство нравственности и справедливости сведено к терминам деловой сделки? Что означает сведение нравственных обязательств к долгам? Что меняется, когда одно превращается в другое? И как именно мы о них говорим, если на наш язык так сильно повлияли рыночные отношения? С одной стороны, различие между обязательством и долгом очевидно. Долг – это обязательство заплатить определенную сумму денег. Соответственно, долг, в отличие от любого другого вида обязательств, может быть точно измерен. Благодаря этому он становится простым, холодным и безличным понятием, а значит, его можно передавать другим людям. Если ты обязан кому-то услугой или жизнью, то это относится ко вполне определенному человеку. Но если ты должен сорок тысяч долларов под 12 % годовых, неважно, кто твой кредитор. Ни ты, ни он не должны особо задумываться о том, чего хочет другой участник сделки, что ему нужно или на что он способен, – в отличие от ситуации, когда один чувствует себя обязанным по отношению к другому из уважения или из благодарности или потому, что тот оказал ему услугу. Тут нужно принимать во внимание не человеческие последствия, а основной капитал, баланс, пени и процентные ставки. Если ты лишаешься дома и тебе приходится бродить по другим областям или твоя дочь вынуждена зарабатывать на жизнь проституцией в шахтерском поселке, то для кредитора это лишь досадное, но побочное обстоятельство. Деньги есть деньги, сделка есть сделка.

С этой точки зрения ключевым фактором и сюжетом, которому будут посвящены страницы нашей книги, является способность денег преобразовывать нравственность в безличную арифметику и оправдывать тем самым вещи, которые иначе казались бы непристойными и возмутительными. Фактор насилия, которому я до сих пор уделял такое внимание, может показаться вторичным. Различие между «долгом» и простым нравственным обязательством заключается не в наличии или отсутствии людей с оружием, которые могут взыскать это обязательство, наложив арест на собственность должника или угрожая переломать ему ноги. Оно состоит только в том, что у кредитора есть возможность точно выразить размер долга должника.

Однако при ближайшем рассмотрении обнаруживается, что два этих элемента – насилие и точное исчисление – тесно связаны. На самом деле одного почти никогда не бывает без другого. У французских ростовщиков были могущественные друзья и крепкие ребята, способные запугать даже церковные власти. Иначе как они смогли бы выбивать незаконные долги? Хиромусиме была непреклонна по отношению к своим должникам и «ни к кому не проявляла снисхождения», но ведь ее муж был правителем. Ей и не нужно было проявлять снисхождение. Те из нас, за кем не стоят вооруженные люди, не могут так выколачивать долги.

К вопросу о том, как насилие или угроза насилия превращает отношения между людьми в математику, мы будем возвращаться снова и снова. Это – первопричина нравственной путаницы, которая окутывает всё то, что связано с тематикой долга. Вытекающие из этого вопроса дилеммы стары, как сама цивилизация. Мы можем наблюдать этот процесс в самых ранних письменных источниках Древней Месопотамии; первое философское выражение он находит в Ведах, затем появляется в бесчисленных формах на всем протяжении письменной истории и лежит в основе ключевых сегодняшних институтов – государства и рынка, равно как и наших базовых представлений о природе свободы, нравственности и общества. На их формирование

так сильно повлияла история войн, завоеваний и рабства, что мы теперь этого и не замечаем, потому что не способны даже помыслить, что всё может быть по-другому.

* * *

Есть очевидные причины, почему сейчас особенно важно переосмыслить историю долга. Начавшийся в сентябре 2008 года финансовый кризис почти полностью затормозил развитие всей мировой экономики. В результате корабли перестали плавать по океанам, тысячи судов были помещены в сухой док. Строительные краны разобрали, прекратилось строительство зданий. Банки урезали выдачу кредитов. Это не только вызвало ярость и смятение общества, но и повлекло за собой начало серьезной общественной дискуссии о природе долга, денег и финансовых институтов, в руках которых оказалась судьба народов.

Но это продолжалось недолго. Дискуссия толком так и не состоялась.

К такой дискуссии люди были готовы, потому что история, которую им рассказывали последние лет десять, оказалась колоссальным обманом – по-другому и не скажешь. В течение несколько лет каждый из нас слышал о целой уйме новых, необычайно изощренных финансовых новинок: кредитные и товарные деривативы, деривативы, обеспеченные ипотечными облигациями, гибридные ценные бумаги, долговые свопы и т. д. Эти новые рынки деривативов были такими сложными, что, как гласит расхожая история, одна инвестиционная компания обратилась к астрофизикам с целью усложнить торговые программы настолько, чтобы даже финансисты перестали их понимать. Посыл был ясен: оставьте это профессионалам, вам этого всё равно не понять. Даже если вы не особенно любите финансовых капиталистов (а мало кто берется доказывать, что их есть за что любить), они настолько хорошо – даже сверхъестественно хорошо – разбирались в этих делах, что о демократическом контроле над финансовыми рынками не приходилось и думать. (Так считали и многие ученые. Я хорошо помню конференции 2006–2007 годов, на которых модные социальные теоретики выступали с докладами о том, что новые формы секьюритизации, основанные на последних информационных технологиях, – предвестники грядущей трансформации природы времени, возможности и самой реальности. Помню, я еще тогда думал: «Вот болваны!» – и оказался абсолютно прав.)

Позже, когда эйфория прошла, выяснилось, что многие из этих новых форм, если не большинство, были не чем иным, как хорошо продуманными мошенническими схемами. Суть их заключалась в следующем: сначала бедным семьям продавались ипотечные кредиты, состряпанные так, что дефолт по ним был неизбежен; затем заключалось пари на то, через сколько времени держатели обанкротятся; потом множество займов объединялись в «пакеты» и продавались институциональным инвесторам (которые одновременно могли управлять пенсионными счетами держателей ипотек), требовавшим получения прибыли при любом развитии событий и права раздавать эти «пакетные» ипотeki так, как если бы они были деньгами; далее ответственность за уплату пари передавалась гигантскому страховому конгломерату, которого, если он начнет тонуть под грузом долгов (что должно было произойти), пришлось бы спасать налогоплательщикам (позже эти конгломераты действительно спасли) ¹¹. Иными словами, всё

¹¹ Саймон Джонсон, ведущий экономист МВФ в то время, кратко изложил эту историю в недавней статье в газете *The Atlantic*: «Почти все регуляторы, законодатели и ученые считали, что менеджеры этих банков знали, что делали. Сейчас выясняется, что нет. Например, в 2005 году отдел финансовых продуктов компании AIG получил 2,5 млрд долларов чистой прибыли до вычета налогов благодаря страхованию по заниженной цене сложных и малопонятных ценных бумаг. Эта стратегия, которую часто описывают как «собираание монеток перед движущимся паровым катком», приносит прибыль в обычные годы и грозит катастрофой в плохие, как это было прошлой осенью, когда объем обязательств по страхованию ценных бумаг, предъявленных к оплате компании AIG, превысил 400 млрд долларов. К сегодняшнему дню правительство США, пытаясь спасти компанию, выделило около 180 млрд долларов в виде инвестиций и кредитов на покрытие потерь, которые AIG, исходя из своих сложных моделей оценки рисков, считала невозможными» (Johnson, 2010). Конечно, Джонсон не принимает в расчет вероятность того, что в AIG прекрасно знали, что может произойти, но не обращали на это внимания, потому что верили,

это очень похоже на сильно усовершенствованную версию того, что делали банки, ссужавшие в конце 1970-х годов деньги диктаторам Боливии и Габона: они совершенно безответственно выдавали кредиты, прекрасно осознавая, что, когда об этом станет известно, политики и бюрократы будут из кожи вон лезть, чтобы обеспечить выплату по ним любыми способами, невзирая на количество загубленных ради этого человеческих жизней.

Разница же заключалась в том, что теперь банкиры занимались этим в немыслимых масштабах: общий объем долгов, которые они накопили, превышал совокупный внутренний валовой продукт любой страны мира, из-за чего мир вошел в штопор, а сама система оказалась на грани уничтожения.

Армии и полиция разных стран готовились бороться с возможными бунтами и беспорядками, но они так и не вспыхнули. Впрочем, не произошло и каких-либо изменений в функционировании системы. В тот момент все осознали, что в условиях, когда рушатся ключевые институты капитализма (Lehman Brothers, Citibank, General Motors), а все их претензии на обладание высшей истиной оказались ложными, мы должны, по крайней мере, снова открыть более широкую дискуссию о природе долга и финансовых институтов. И не только дискуссию.

Казалось, что к радикальным решениям готова большая часть американцев. Исследования показывали: подавляющее их большинство полагало, что банкам помогать не нужно, *каким бы экономическим последствиям это ни привело*, зато нужно спасать обычных граждан, отягощенных плохими ипотечными кредитами. Для Соединенных Штатов это очень необычно. Еще с колониальных времен американцы не отличаются сочувствием к должникам, что, вообще-то, странно, поскольку Америка во многом была создана беглыми должниками; но в этой стране представление о том, что нравственность заключается в выплате долгов, распространено шире, чем какое-либо другое. В колониальную эпоху уши несостоятельных должников нередко прибавляли к столбам. Соединенные Штаты были одной из последних стран в мире, принявших закон о банкротстве; хотя Конституция, вступившая в силу в 1787 году, обязывала новое правительство разработать такой закон, все подобные попытки отвергались на основании «нравственных принципов» вплоть до 1898 года ¹², а его принятие стало эпохальным событием. Возможно, именно по этой причине люди, выступавшие в роли модераторов дискуссий в СМИ, и законодательные собрания решили, что пока еще не время что-либо менять. Правительство США выделило три триллиона долларов на решение проблемы и оставило всё как есть. Банкиров спасли, а мелких должников – за очень редким исключением – нет ¹³. Напротив, в разгар самого сильного с 1930-х годов экономического спада против них начинается кампания, раздуваемая финансовыми корпорациями, которые обратились к спасшему их правительству с требованием применить всю строгость закона к обычным гражданам, столкнувшимся с финансовыми проблемами. «Быть должником не преступление, – пишет публикуемая в Миннеаполисе и Сен-Поле газета *Star Tribune*, – но людей регулярно бросают в тюрьму за невыплату долгов». В Миннесоте «за последние четыре года число постановлений об аресте выросло на 60 процентов, в 2009 году выдано 845 постановлений... В Иллинойсе и Юго-Западной Индиане некоторые судьи отправляют должников в тюрьму за просрочку долговых платежей, назначенных судом. В крайних случаях люди находятся за решеткой до тех

что паровой каток раздавит кого-нибудь другого.

¹² В отличие от США в Англии национальный закон о банкротстве был принят еще в 1571 году. Предпринятая в США в 1800 году попытка разработать федеральный закон провалилась; такой закон действовал в течение короткого периода с 1867 по 1878 год и был призван облегчить положение отягощенных долгами ветеранов Гражданской войны, но был в конце концов отменен из нравственных соображений (современная история хорошо изложена в: Мапп, 2002). Реформа законодательства о банкротстве в Америке скорее приведет к ужесточению, а не к облегчению условий, как это произошло с мерами по стимулированию промышленности, которые Конгресс принял в 2005 году, незадолго до великого кредитного краха.

¹³ Например, фонд помощи взявшим ипотеку, который был учрежден после спасения банков, оказал поддержку лишь небольшой части обратившихся. Не было предпринято никаких шагов по либерализации законов о банкротстве, которые были значительно ужесточены под давлением финансовых и промышленных кругов в 2005 году, всего за два года до краха.

пор, пока не находят деньги для внесения минимального платежа. В январе (2010 года) один судья приговорил мужчину из Кенни, штат Иллинойс, к „бессрочному заключению“, пока тот не соберет 300 долларов для уплаты долга лесозаготовительной компании»¹⁴.

Иными словами, мы движемся к воссозданию чего-то похожего на долговые тюрьмы. Между тем дискуссия заглохла, народный гнев против спасения банков ни к чему путному не привел, а мы, похоже, неумолимо катимся к следующей финансовой катастрофе – вопрос лишь в том, как скоро она наступит.

Мы достигли точки, в которой даже МВФ, ныне выставяющий себя в роли совести глобального капитализма, предупреждает, что если мы будем продолжать следовать тем же курсом, то в следующий раз на финансовую помощь рассчитывать не придется. Общественное мнение просто не поддержит такое решение, и тогда всё действительно развалится. «МВФ предупреждает, что второе спасение банков станет „угрозой для демократии“», – гласил один недавний заголовок¹⁵. (Естественно, под «демократией» имеется в виду «капитализм».) Это означает, что даже те, кто считает себя ответственным за нормальное функционирование нынешней глобальной экономической системы и кто всего несколько лет назад действовал так, будто она будет существовать вечно, теперь повсюду видят апокалипсис.

В данном случае МВФ прав. У нас есть все основания полагать, что мы действительно стоим на пороге эпохальных изменений.

Представлять себе всё вокруг совершенно новым – обычная в таких ситуациях реакция, особенно в том, что касается денег. Сколько раз нам говорили, что благодаря появлению виртуальных денег и переходу от наличности к пластиковым картам и от долларов к движению графиков на мониторах мы оказались в совершенно новом финансовом мире. Очевидно, что представление о том, будто мы находимся на этой неизведанной территории, было одним из факторов, который помог Goldman Sachs, AIG и им подобным убедить людей, что никто не способен понять суть их ослепительно новых финансовых инструментов. Однако если взглянуть на это в более широкой исторической ретроспективе, обнаруживается, что ничего нового в виртуальных деньгах нет. Более того, изначально деньги такими и были. Кредитные системы, таблички и даже расходные счета – всё это существовало задолго до появления наличности. Эти вещи стары, как сама цивилизация. На самом деле история имеет тенденцию двигаться то к периодам преобладания золота и серебра, которые *считались* деньгами, то к периодам, когда деньги были лишь абстракцией, виртуальной расчетной единицей. Но с исторической точки зрения сначала появились кредитные деньги, и сейчас мы наблюдаем возвращение к представлениям, которые казались очевидными, скажем, в Средние века или даже в Древней Месопотамии.

История преподает нам замечательные уроки того, что нас может ожидать. Например, в прошлые эпохи виртуальных кредитных денег почти всегда создавались институты, которые оберегали систему от сбоев, не позволяя кредиторам вступать в сговор с бюрократами и политиками, чтобы выжимать из должников всё до копейки, как они это делают сейчас. Возникали и институты, защищавшие должников. Новая эпоха кредитных денег, в которую мы живем, началась с шага в ровно противоположном направлении. Она берет отсчет с появления институтов вроде МВФ, цель которых – защищать не должников, а кредиторов. Вместе с тем в историческом масштабе, о котором мы здесь говорим, десятилетие или даже два – пустяк. Мы очень плохо себе представляем, чего нам ждать.

¹⁴ «In Jail for Being in Debt»: Chris Serres & Glenin Howatt, Minneapolis-St. Paul Star Tribune, June 9, 2010, www.startribune.com/local/95692619.html.

¹⁵ «IMF warns second bailout would 'threaten democracy»: Angela Jameson and Elizabeth Judge, business.timesonline.co.uk/tol/business/economics/article6928147.ece#cid=OTC-RSS&attr=1185799, accessed November 25, 2009.

* * *

История долга, которая рассказывается в этой книге, позволяет задать фундаментальные вопросы о том, чем являются или чем могли быть люди и человеческое общество – что мы на самом деле друг другу должны и что означает сама постановка этого вопроса. Поэтому книга начинается с попытки развеять целый ряд мифов – не только миф о меновой торговле, о котором речь идет во второй главе, но и соперничающие с ним мифы об изначальном долге по отношению к богам или к государству, которые так или иначе служат основой общепринятых представлений о природе экономики и общества. Согласно общепринятой точке зрения, Государство и Рынок возвышаются над всем остальным как два диаметрально противоположных принципа. Однако исторические факты свидетельствуют, что они появились вместе и всегда были тесно взаимосвязаны. Как мы увидим, общей чертой этих ошибочных концепций является то, что они стремятся свести все человеческие отношения к обмену, как если бы наши связи с обществом и даже со Вселенной можно было бы представить в виде сделки. Это ведет к другому вопросу: если не обмен, то что? В пятой главе, опираясь на достижения антропологии, я начну отвечать на этот вопрос и опишу нравственные основы экономической жизни, а затем вернусь к вопросу о происхождении денег, чтобы показать, что сам принцип обмена в значительной степени возник вследствие насилия и что подлинные истоки денег следует искать в преступлении и возмездии, в войнах и рабстве, в чести, долге и искуплении. Это, в свою очередь, позволит приступить в восьмой главе к истории долга и кредита в последние пять тысяч лет, которая отмечена чередованием эпох виртуальных и реальных денег. Многие открытия здесь будут совершенно неожиданными: это и истоки современных представлений о правах и свободах в древних законах о рабовладении, и истоки инвестиционного капитала в средневековом китайском буддизме, и тот факт, что многие из самых известных утверждений Адама Смита были списаны из работ средневековых персидских теоретиков свободного рынка (это позволяет лучше понять современные призывы политического ислама). Всё это создает фон для непредвзятого подхода к истории последних пяти тысяч лет, на протяжении которых преобладали капиталистические империи, и позволяет нам хотя бы начать отвечать на вопрос о том, что же на самом деле сегодня находится на кону.

В течение очень долгого времени среди интеллектуалов царило негласное правило не ставить Больших Вопросов. С каждым днем становится всё очевиднее, что у нас нет другого выбора, кроме как начать их задавать.

Глава II

Миф о меновой торговле

На любой тонкий и сложный вопрос всегда найдется простой и прямолинейный ответ, который будет неправильным.

Г.-Л. Менкен

В чем разница между обычным обязательством, подразумевающим, что человек должен вести себя определенным образом или что он чем-то обязан другому, и *долгом* в строгом смысле этого слова? Ответ простой: в деньгах. Разница между долгом и обязательством состоит в том, что долг можно точно исчислить. Для этого нужны деньги.

Деньги не просто делают возможным само понятие долга: деньги и долги появляются на исторической сцене в одно и то же время. Одни из самых ранних дошедших до нас письменных документов – это таблички из Месопотамии, где записаны приходы и расходы, пайки, выдававшиеся храмами, долги за аренду храмовых земель, размер которых точно указывался в зерновом и серебряном выражении. А одни из наиболее ранних работ по нравственной философии суть размышления на тему того, как представить нравственность в виде долга – то есть в денежном выражении.

Именно поэтому история долга – это история денег, и самый легкий способ понять, какую роль долг играл в человеческих обществах, заключается в том, чтобы просто проследить, какую форму обретали деньги и как они использовались на протяжении веков, а также исследовать споры, которые неизбежно возникали вокруг вопроса о том, что всё это значит. Однако такая история денег будет разительно отличаться от той, к которой мы привыкли. Когда экономисты пишут о происхождении денег, долг в их рассуждениях всегда появляется в последнюю очередь. Сначала была меновая торговля, потом деньги, и только после этого возник кредит. Даже если взять книги по истории денег, скажем, во Франции, Индии или Китае, там, как правило, речь идет об истории чеканки монет, а вот дискуссий о кредитных отношениях в них почти нет. В течение почти столетия антропологи вроде меня утверждали, что такие представления неверны. Стандартная версия экономической истории имеет мало общего с тем, что мы наблюдаем, изучая, как на самом деле устроена экономическая жизнь в реальных сообществах и каков характер рыночных отношений почти везде, – мы скорее обнаружим, что все друг другу что-то должны в самых разных формах и что большинство сделок осуществляются без использования денег.

Откуда такое несоответствие?

В каком-то смысле объяснение лежит на поверхности: древние монеты сохранились до нашего времени, а записи о выдаче кредитов – нет. Но проблема шире. Существование кредита и долга всегда вызывало замешательство у экономистов, потому что невозможно утверждать, что те, кто ссужает деньги, и те, кто берет займы, действуют исходя исключительно из «экономических» мотивов (например, что заем чужаку и заем свояку – одно и то же). Поэтому историю денег нужно начинать с описания воображаемого мира, в котором кредиты и долги полностью отсутствуют. Прежде чем применять антропологические методы для воссоздания подлинной истории денег, мы должны понять, почему неверна общепринятая точка зрения.

Как правило, экономисты выделяют три функции денег: средство обмена, единица исчисления и средство сбережения. Первая из них во всех экономических учебниках признается основной. Вот типичный образец из книги «Экономика» (Case, Fair, Gärtnner, and Heather, 1996):

Деньги жизненно необходимы для функционирования рыночной экономики. Представьте себе, какой бы была жизнь без них. Альтернативой денежной экономики является меновая торговля, в условиях которой люди напрямую обменивают товары и услуги на другие товары и услуги, вместо того чтобы вести обмен посредством денег.

Как работает система меновой торговли? Предположим, что вы хотите на завтрак круассаны, яйца и апельсиновый сок. Вместо того чтобы купить эти вещи в магазине за деньги, вам придется найти кого-нибудь, у кого есть эти продукты и кто хочет их обменять. У вас тоже должно быть что-то, что хотят булочник, поставщик апельсинового сока и продавец яиц. Если у вас есть карандаши, но они не нужны ни булочнику, ни поставщику сока, ни продавцу яиц, то они вам никак не помогут.

Система меновой торговли требует двойного совпадения потребностей людей, которые хотят совершить обмен. Иными словами, для обмена я не просто должен найти кого-то, у кого есть то, что я хочу, – этот человек еще и должен хотеть получить то, что есть у меня. Когда ассортимент товаров для обмена невелик, как это бывает в относительно просто устроенных экономиках, то найти кого-то, с кем можно обменяться товарами, несложно, и поэтому в них часто прибегают к меновой торговле ¹⁶.

Это последнее утверждение спорно, но сформулировано оно так неясно, что опровергнуть его было бы нелегко.

В сложно устроенном обществе, где есть много товаров, прямой обмен требует слишком больших усилий. Попробуйте найти людей, которые продают всё то, что вы обычно покупаете в магазине, и которые хотят получить товары, которыми вы предлагаете им обменяться.

Некое установленное средство обмена (или средство платежа) полностью устраняет проблему двойного совпадения потребностей ¹⁷.

Важно подчеркнуть, что это представляется не как нечто действительно происходящее, а как отвлеченное от реальности упражнение. «Чтобы понять, что обществу выгодно иметь средство обмена, – пишут Бегг, Фишер и Дорнбуш (Economics, 2005), – представьте себе экономику, основанную на меновой торговле». «Представьте себе, как трудно вам бы пришлось сегодня, – пишут Маундер, Майерс, Уолл и Миллер (Economics Explained, 1991), – если бы вы должны были обменивать ваш труд непосредственно на продукт труда другого человека». «Представьте, – пишут Паркин и Кинг (Economics, 1995), – что у вас есть петухи, а вы хотите розы» ¹⁸. Примеры можно приводить до бесконечности. Почти каждый современный учебник по экономике формулирует проблему именно так. Мы знаем, отмечают они, что в истории было время, когда денег не было. Как это выглядело? Давайте представим себе приблизительно такую же экономику, как сегодня, но только без денег. Это было бы очень неудобно! Разумеется, люди должны были изобрести деньги из соображений эффективности.

Для экономистов история денег всегда начинается с воображаемого мира меновой торговли. Только вот как его локализовать во времени и пространстве: мы говорим о пещерных людях, жителях островов в Тихом океане или американском фронтире? Экономисты Джозеф Стиглиц и Джон Дриффил в своем учебнике переносят нас в воображаемый город в Новой Англии или на Среднем Западе:

¹⁶ Case, Fair, Gärtnner, & Heather 1996: 564.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Begg, Fischer, and Dornbuch (2005: 384); Maunder, Myers, Wall, and Miller (1991: 310); Parkin & King (1995: 65).

Представим себе старомодного фермера, который в своем маленьком городке обменивается продуктами с кузнецом, портным, бакалейщиком и доктором. Однако для того, чтобы простой обмен работал, их потребности должны совпадать... У Генри есть картошка, а он хочет ботинки, у Джошуа есть лишняя пара ботинок, и ему нужна картошка. Обмен может сделать их обоих счастливее. Но если у Генри есть дрова, а Джошуа они не нужны, то для того, чтобы ему выменять у Джошуа ботинки, им придется найти других людей и совершить многосторонний обмен. Деньги позволяют сделать многосторонний обмен намного проще. Генри продает свои дрова кому-то еще за деньги, которые использует для покупки ботинок у Джошуа ¹⁹.

Опять мы попадаем в выдуманную страну, где всё, как у нас, только вот деньги куда-то исчезли. В результате получается бессмыслица: кто в здравом уме станет открывать бакалейную лавку в таком месте? И как в нее будут поставляться товары? Неважно, оставим это в стороне. Есть одна простая причина, по которой всякий автор учебника по экономике считает, что должен рассказывать нам одну и ту же историю. Для экономистов эта история самая важная из всех. Именно рассказав ее в судьбоносном 1776 году, Адам Смит, профессор нравственной философии в университете Глазго, положил начало такой дисциплине, как экономика.

Эту историю он взял не с потолка. Еще в 330 году до н. э. Аристотель рассуждал на эту тему в схожем ключе в своем трактате о политике. Сначала, полагал он, семьи должны были сами производить всё, что им нужно. Постепенно стала развиваться специализация: одни выращивали зерно, другие делали вино, потом одно обменивалось на другое ²⁰. Этот процесс, по мнению Аристотеля, и привел к появлению денег. Но Аристотель, так же как и средневековые схоласты, иногда повторявшие эту историю, в детали не вдавался ²¹.

После открытий Колумба, когда испанские и португальские искатели приключений стали рыскать по миру в поисках новых источников золота и серебра, эти туманные истории исчезли. Никто так и не открыл страну меновой торговли. Большинство путешественников XVI–XVII веков, побывавших в Вест-Индии или Африке, считали, что все общества обязательно располагали собственными формами денег, поскольку во всех обществах есть правительства и все правительства выпускают деньги ²².

Однако Адам Смит вознамерился опровергнуть общепринятые в его эпоху представления. Прежде всего он оспорил положение о том, что деньги создаются правительствами. В этом Смит был интеллектуальным наследником либеральной традиции в духе Джона Локка, считавшего, что правительство рождается из необходимости защищать частную собственность и действует лучше всего тогда, когда пытается ограничить себя выполнением одной этой функции. Смит развил эту точку зрения, заявив, что собственность, деньги и рынки не только существовали до политических институтов, но и служили первоосновой человеческого общества. Из этого вытекало, что раз правительство не должно вмешиваться в денежные дела, то ему следует

¹⁹ Stiglitz and Driffill 2000: 521.

²⁰ Аристотель. Политика, I.9.1257. Цит. по: Аристотель. Сочинения. М.: Мысль. Серия «Философское наследие». Т. 4. 1983.

²¹ Не ясно также, действительно ли здесь речь идет о меновой торговле. Аристотель использовал термин *metadosis*, который в его времена обычно означал «делаж» или «распределение». Начиная со Смита он обычно переводится как «менная торговля», но, как подчеркивал Карл Поланьи (Polanyi 1957a: 93), это не совсем точно передает смысл термина, если только Аристотель не вкладывал в него совершенно новое значение. Исследователи происхождения греческих денег, от Лаума (Laum 1924) до Сифорда (Seaford 2004), подчеркивали, что традиции распределения вещей (например, военной добычи или жертвенного мяса), возможно, сыграли ключевую роль в развитии денежного обращения в Греции. (Критику аристотелевской традиции, предполагающей, что Аристотель говорил о меновой торговле, см. в Fahazmanesh 2006.)

²² Эту литературу исследует в своих работах Жан-Мишель Серве (Servet 1994, 2001). Он также отмечает, что в XVIII веке такие рассказы вдруг исчезли, а на смену им пришли многочисленные описания примеров «примитивной меновой торговли» в Океании, Африке и обеих Америках.

ограничиться лишь обеспечением устойчивости монеты. Лишь на основании этого аргумента он смог утверждать, что экономика является отдельной сферой научных изысканий со своими принципами и законами, а значит, отличается, допустим, от этики или политики.

Утверждение Смита стоит разобрать подробно, потому что, на мой взгляд, оно является основополагающим мифом экономической науки.

Сначала Смит задается вопросом: а что, собственно говоря, лежит в основе экономической жизни? Это «некоторая склонность человеческой природы... склонность к мене, торговле, к обмену одного предмета на другой». У животных ее нет. «Никому, – замечает Смит, – никогда не приходилось видеть, чтобы собака сознательно менялась костью с другой собакой»²³. Однако люди, оказавшись предоставлены сами себе, неизбежно начнут обмениваться вещами и сравнивать их. Этим люди и занимаются. Даже логика и беседа представляют собой лишь формы обмена, и в них, как и во всем прочем, люди всегда будут стремиться к собственной выгоде²⁴.

Эта тяга к обмену, в свою очередь, приводит к разделению труда, которому человечество обязано всеми своими достижениями и самым появлением цивилизации. Здесь изложение переносится в еще одну из далеких воображаемых стран экономистов: она похожа на нечто среднее между землями, населенными североамериканскими индейцами, и территорией, где проживают кочевники-скотоводы Центральной Азии²⁵:

В охотничьем или пастушеском племени один человек изготавливает, например, луки и стрелы с большей быстротой и ловкостью, чем кто-либо другой. Он часто выменивает их у своих соплеменников на скот или дичь; в конце концов он видит, что может таким путем получать больше скота и дичи, чем если сам будет заниматься охотой. Соображаясь со своей выгодой, он делает из выделки луков и стрел свое главное занятие и становится, таким образом, своего рода оружейником. Другой выделяется своим умением строить и покрывать крышей маленькие хижины или шалаши. Он привыкает помогать в этой работе своим соседям, которые вознаграждают его таким же способом – скотом и дичью, пока наконец он не признает выгодным для себя целиком отдаться этому занятию и сделаться своего рода плотником. Таким же путем третий становится кузнецом или медником, четвертый – кожевником или дубильщиком шкур и кож, главных частей одежды дикарей.

Только тогда, когда появляются опытные изготовители луков, строители вигвамов и т. д., люди начинают видеть в этом проблему. Обратите внимание, как посредством множества приведенных примеров происходит плавный переход от воображаемых дикарей к лавочникам из мелких городков.

Но когда разделение труда только еще начинало зарождаться, эта возможность обмена часто должна была встречать очень большие

²³ О богатстве народов I.2.1–2 (здесь и далее используемые автором цитаты из Адама Смита приводятся по русскому изданию: Смит Адам. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер В. Афанасьева. М.: Эксмо, 2007. – Пер.). Как мы увидим, этот сюжет, судя по всему, был позаимствован из намного более древних источников.

²⁴ «Если мы исследуем свойственный человеческому разуму принцип, обуславливающий predisposition к обмену, то обнаружим в его основе естественную склонность всякого человека к убеждению. Нам кажется, что такой жест, как предложить другому шиллинг, имеет простое значение, но на самом деле его смысл заключается в том, чтобы предложить другому аргумент в пользу того, чтобы он делал определенные вещи так, как если бы сам был в этом заинтересован» (Лекции по юриспруденции, 56). Интересно отметить, что именно к Смиту восходит предположение о том, что представление об обмене лежит в основе наших умственных функций и проявляется как в языке (обмен словами), так и в экономике (обмен материальными предметами). Многие антропологи относят его к Клоду Леви-Строссу (1963: 296).

²⁵ Отсылка к скотоводам подразумевает, что речь может идти об иной части мира, но в другом месте его примеры, такие как обмен оленей на бобров, подтверждают, что он имеет в виду леса северо-восточной части Северной Америки.

затруднения. Предположим, что один человек обладал большим количеством определенного продукта, чем сам нуждался в нем, тогда как другой человек испытывал в нем недостаток. Поэтому первый охотно отдал бы часть этого излишка, а второй охотно приобрел бы его. Но если последний в данный момент не имел бы ничего такого, в чем нуждается первый, то между ними не могло бы произойти никакого обмена. Мясник имеет в своей лавке больше мяса, чем сам может потребить, а пивовар и булочник охотно купили бы каждый часть этого мяса; они не могут ничего предложить ему в обмен...

(...)

В целях избежания таких неудобных положений каждый разумный человек на любой ступени развития общества после появления разделения труда, естественно, должен был стараться так устроить свои дела, чтобы постоянно наряду с особыми продуктами своего собственного промысла иметь некоторое количество такого товара, который, по его мнению, никто не откажется взять в обмен на продукты своего промысла ²⁶.

Так что каждый неизбежно начнет копить нечто, что, как ему кажется, захотят всё, – это парадоксальное следствие, потому что в определенный момент стоимость этого товара начнет не падать (поскольку у каждого он есть), а, наоборот, расти (потому что он превращается в деньги):

Как передают, в Абиссинии обычным средством торговли и обмена служит соль; на берегах Индии таким средством служат раковины особого вида, в Ньюфаундленде – сушеная треска, в Виргинии – табак, в некоторых наших вест-индских колониях – сахар, в некоторых других странах – шкуры или выделанная кожа, и, как мне рассказывали, в настоящее время в Шотландии существует деревня, где рабочий нередко вместо денег приносит в булочную или пивную гвозди ²⁷.

Иногда, по крайней мере в международной торговле, это приводит к использованию драгоценных металлов, которые идеально подходят на роль денег: они долговечны, их удобно перевозить и можно до бесконечности делить на равные доли.

Различные народы пользовались для указанной цели различными металлами. Древние спартанцы употребляли в качестве средства обмена железо, древние римляне пользовались для этого медью; золотом и серебром пользовались все богатые и торговые народы.

(...)

Первоначально, по-видимому, металлы употреблялись для этой цели в слитках, а не в монете...

(...)

Пользование такими слитками металла сопровождалось двумя очень значительными неудобствами: во-первых, трудностью взвешивать металл и, во-вторых, трудностью определения его пробы. По отношению к драгоценным металлам, когда даже ничтожная разница в количестве обуславливает громадную разницу в их стоимости, самое взвешивание с надлежащей точностью требует по крайней мере очень точных весов и гирь. Взвешивание

²⁶ О богатстве народов I.4.2.

²⁷ О богатстве народов I.4.3.

золота в особенности представляет собою очень кропотливую и тонкую операцию...²⁸

Легко понять, к чему всё это ведет. Использовать металлические слитки неравного размера проще, чем вести меновую торговлю. Но не будет ли еще легче использовать стандартизированные единицы, например штампованные кусочки металла различного достоинства с единообразными обозначениями, гарантирующими их вес и пробу? Конечно, да – так и появилась чеканка монет. Появление чеканки подразумевало участие правительств, ведь именно они, как правило, управляли монетными дворами; но в стандартной версии этой истории правительства играли лишь ограниченную роль: они должны были обеспечивать денежное обращение и делали это, как правило, плохо. На протяжении истории короли беззастенчиво мошенничали, допуская порчу монеты и вызывая тем самым инфляцию и различные политические трудности в том, что изначально было лишь вопросом здравого экономического смысла.

Что характерно, эта история сыграла ключевую роль не только в создании экономической науки, но и в возникновении самой идеи о том, что есть нечто под названием «экономика», действующее по своим собственным правилам и отделенное от нравственной или политической жизни, и что это нечто экономисты могут считать своей сферой деятельности. «Экономика» – это когда мы поддаемся нашей естественной склонности к обмену и торговле. Мы продолжаем торговать и заниматься обменом. И всегда будем. Деньги просто самое эффективное средство для этого.

Такие экономисты, как Карл Менгер и Стенли Джевонс, позже усовершенствовали эту историю, введя в нее различные математические уравнения, которые должны были показать, что случайно собранные вместе люди с самыми разными желаниями в теории могут не только выбрать один товар, который будут использовать в качестве денег, но и создать единую систему цен. В эти уравнения они добавили еще и впечатляющее количество самых разных технических терминов (например, «затруднения» превратились в «операционные издержки»). Однако самое главное в том, что теперь большинство людей считают эту историю воплощением здравого смысла. Мы рассказываем ее детям в учебниках и музеях. Ее знают все. «Однажды была меновая торговля. Это было неудобно. Поэтому люди изобрели деньги. Затем стали развиваться банковское дело и кредит». Всё это образует прямолинейную прогрессию, процесс всё большего усложнения и абстрагирования, который неотвратимо должен был привести человечество от обмена мамонтовыми бивнями в каменном веке к фондовым рынкам, хедж-фондам и обеспеченным деривативам²⁹.

Такое представление царит повсеместно. Везде, где есть деньги, мы сталкиваемся с этой историей. Однажды в городе Аривонимамо, на Мадагаскаре, я удостоился чести взять интервью у Каланоро, крохотного, похожего на привидение существа, которое один местный медиум якобы держал в сундуке у себя дома. Этот дух принадлежал брату известной в тех краях ростовщицы, ужасной женщины по имени Нордина; честно говоря, я не горел желанием общаться с этим семейством, но некоторые мои друзья меня убедили – в конце концов, это был дух из былых времен. Дух вещал из-за ширмы жутковатым дребезжащим голосом, словно доносившимся с того света. Говорить ему было интересно только о деньгах. Когда весь этот фарс окон-

²⁸ О богатстве народов I.4.7.

²⁹ Мысль об исторической последовательности от меновой торговли к деньгам, а затем к кредиту впервые появилась в лекциях итальянского банкира Бернардо Даванцати (1529–1606; в Waswo, 1996); в теоретическую форму ее облекли немецкие историки экономики. Бруно Хильдебранд (Hildebrand 1864) выделил доисторическую стадию меновой торговли, античную стадию чеканки монет и затем, после возвращения к меновой торговле в Средние века, современную стадию экономики, основанной на кредите. В работах его ученика Карла Бюхера она приобрела свой канонический вид (Bücher 1907). Эта последовательность, ставшая общепризнанной, возникает в подспудной форме в трудах Маркса, в открытую о ней говорит Зиммель – и это несмотря на то, что почти все последующие исторические исследования доказали ее ошибочность.

чательно вывел меня из себя, я спросил: «Так что вы использовали в качестве денег в прежние времена, когда вы еще были живы?»

Таинственный голос немедленно ответил: «Нет, деньги мы не использовали. В прежние времена мы обменивались друг с другом товарами напрямую...»

* * *

Так что эта история встречается повсюду. Это миф, лежащий в основе нашей системы экономических отношений. Он настолько прочно утвердился в сознании, даже в таких местах, как Мадагаскар, что большинство людей на планете и представить себе не могут, что деньги могли появиться как-то еще.

Проблема в том, что доказательств, подтверждающих эту историю, нет, зато есть огромное количество фактов, ее опровергающих.

Уже несколько веков исследователи пытаются найти сказочную страну меновой торговли – всё безуспешно. Адам Смит приписал свою историю аборигенам Северной Америки (другие предпочитали Африку или Тихий океан). Можно было бы сказать, что по крайней мере во времена Смита в шотландских библиотеках не было надежной информации об экономических системах американских индейцев. Но в середине XIX века Льюис Генри Морган опубликовал свое описание Лиги ирокезов, в котором четко показал, что основным экономическим институтом ирокезов были длинные дома, где складировалась большая часть товаров, распределявшихся затем женскими советами, – никто никогда не обменивал наконечники стрел на куски мяса. Экономисты просто игнорировали эту информацию³⁰. Например, Стенли Джевонс, написавший в 1871 году книгу, которую стали считать классическим исследованием о происхождении денег, брал примеры прямо из труда Смита – у него индейцы тоже обменивали оленину на лосятину и бобровые шкуры – и не использовал современные ему описания жизни индейцев, которые доказывали, что Смит это просто выдумал. Приблизительно в то же время миссионеры, искатели приключений и колониальные администраторы блуждали по всему миру, многие из них с книгой Смита в руках, в надежде найти страну меновой торговли. Никому это не удалось. Они обнаружили бесчисленное количество экономических систем. Но до сегодняшнего дня никто не сумел найти край, где стандартная форма экономических сделок между соседями выражалась бы формулой «за эту корову я дам тебе двадцать кур».

Кэролин Хамфри из Кембриджского университета в своей исчерпывающей работе о меновой торговле приходит к однозначному выводу: «Не было описано ни одного случая бартерной экономики в чистом виде и появления на ее основе денег; все имеющиеся у нас этнографические данные свидетельствуют о том, что такого никогда не было»³¹.

В то же время всё это вовсе не означает, что меновой торговли не существует или что ее не ведут люди, которых Смит назвал бы «дикарями». Это лишь означает, что ее почти никогда не ведут между собой односельчане, как думал Смит. Обычно такой обмен происходит между чужаками или даже врагами. Начнем с индейцев намбиквара, живущих в Бразилии. Они соответствуют всем необходимым критериям: это простое общество со слабо развитым разделением труда, состоящее из небольших групп, каждая из которых насчитывает не больше сотни чело-

³⁰ Хотя эти данные произвели впечатление на многих других. Работа Моргана (1851, 1877, 1881), в которой подчеркивалось существование общинных прав собственности и чрезвычайно важная роль женщин, чьи советы в значительной степени контролировали экономическую жизнь, так впечатлила многих радикальных мыслителей, в том числе Маркса и Энгельса, что те положили ее в основу противоположного мифа о первобытном коммунизме и первобытном матриархате.

³¹ Энн Чапмен (Chapman 1980) идет еще дальше, отмечая, что если под меновой торговлей понимать только обмен предметами, не подразумевающий налаживания отношений между людьми, то в таком виде она могла вообще никогда не существовать. См. также Heady 2005.

век. Иногда, когда одна группа замечает неподалеку костры, разведенные другой, она отправляет посланников с предложением совершить обмен. Если оно принимается, мужчины первой группы прячут женщин и детей в лесу, а затем приглашают мужчин второй группы на свою стоянку. У каждой группы есть вождь; когда все собираются вместе, каждый вождь произносит формальную речь, в которой восхваляет чужую группу и принижает свою. Отложив оружие в сторону, те и другие поют и танцуют вместе – хотя танец имитирует боевое столкновение. Затем представители обеих сторон сходятся вместе, и начинается торговля:

Если человек хочет получить какой-то предмет, он хвалит его, подчеркивая его красоту. Если владелец высоко ценит свою вещь и хочет получить много в обмен, то он не говорит, что она ценна, а, напротив, утверждает, что она нехороша, и показывает, что хочет оставить ее себе. «Это плохой топор, он очень старый, он затупился», – скажет он о своем топоре, который понравился другому.

Торг ведется в раздраженном тоне до тех пор, пока стороны не приходят к соглашению. Когда оно достигнуто, каждый выхватывает предмет из рук другого. Если один согласился отдать ожерелье, то другой должен не просто взять его, а отнять, показав силу. Споры, часто переходящие в потасовки, происходят тогда, когда одна из сторон действует торопливо и хватается за предмет до того, как завершается торг ³².

Все заканчивается большим пиром, на который приходят и женщины, но это тоже может вызвать проблемы, потому что в праздничной обстановке, под звуки музыки их могут начать соблазнять ³³. Иногда это приводит к конфликтам на почве ревности и даже к убийствам.

Получается, что, несмотря на элементы праздника, меновая торговля велась между людьми, которые могли быть врагами и находились в шаге от полноценного конфликта; и, если верить этнографам, в случаях, когда одна из сторон считала, что ее обхитрили, это легко могло привести к настоящей войне.

Теперь перенесемся на другой край Земли – в Западный Арнемленд, в Австралию. Живущий здесь народ гунвингу известен тем, что проводит со своими соседями ритуалы церемониального обмена под названием *дзамалаг*. Здесь угроза применения насилия выражена намного слабее – отчасти потому, что ситуация облегчается наличием системы кровнородственных связей, которая охватывает весь регион: никому не дозволяется жениться на представительницах своей родственной секции или заниматься с ними сексом вне зависимости от того, откуда они. Но любой человек из другой секции может быть потенциальным партнером. Таким образом, для мужчины даже в общинах, проживающих далеко от его собственной, контакты с одной половиной женщин строго запрещены, а с другой – допустимы. Регион также объединяет местная специализация: у каждого племени есть свой товар, которым оно обменивается с другими племенами.

Ниже я привожу выдержку из описания *дзамалага*, которое в 1940-х годах дал антрополог Рональд Берндт.

Здесь обмен тоже начинается тогда, когда, после первоначальных переговоров, чужаков приглашают на главную стоянку хозяев. В данном конкретном случае гости славилась своими «ценными зазубренными копьями», а хозяева располагали хорошей европейской одеждой. Сначала группа гостей, состоящая из мужчин и женщин, вступает на танцевальную площадку стоянки, или в «круг», и трое из них начинают развлекать хозяев музыкой. Двое мужчин поют, а третий аккомпанирует им на *диджериду*. Вскоре приходят женщины принимающей стороны и нападают на музыкантов:

³² Levi-Strauss 1943; цит. по: Servet 1982: 33.

³³ Можно представить себе, как велик был соблазн сексуального разнообразия для молодых мужчин и женщин, привыкших проводить почти всё свое время в компании дюжины других людей такого же возраста.

Мужчины и женщины встают и начинают танцевать. *Дзамалаг* завязывается тогда, когда две женщины гунвингу из родственной секции, противоположной той, к которой относятся певцы, «дают им *дзамалаг*»: они дарят каждому мужчине какой-нибудь предмет одежды, ударяют его или касаются и увлекают на землю, называя его своим *дзамалаг*-мужем и заигрывая с ним. Затем другая женщина из секции, противоположной той, к которой принадлежит мужчина, играющий на трубе, дает ему одежду, ударяет и заигрывает с ним.

Это кладет начало *дзамалагу*. Гости сидят спокойно, пока женщины из противоположной родственной секции подходят к ним, дают одежду, ударяют их и склоняют к соитию; в обстановке веселья, подбадриваемые аплодисментами, они позволяют себе любые вольности с мужчинами, пока продолжаются пение и танцы. Женщины пытаются развязать набедренные повязки мужчин или коснуться их пениса и увести их за пределы «круга», чтобы совокупиться с ними. Мужчины, делая вид, что сопротивляются, удаляются со своими *дзамалаг*-партнершами и совокупляются с ними в кустах подальше от огней, что освещают танцоров. Они могут дать женщинам табак или бусы. Когда женщины возвращаются, они отдают часть этого табака своим мужьям, которые побуждали их принять участие в *дзамалаге*. Мужчины, в свою очередь, расплачиваются табаком со своими *дзамалаг*-партнершами ³⁴.

Выходят новые певцы и музыканты, на них снова набрасываются, а потом увлекают в кусты; мужчины призывают своих жен «не скромничать» и подтвердить репутацию гунвингу как радушных хозяев; они и сами проявляют инициативу по отношению к женам гостей, предлагают им одежду, ударяют их и уводят в кусты. Бусы и табак переходят из рук в руки. Наконец, когда все участники совокупились хотя бы по одному разу и гости остались довольны приобретенной одеждой, женщины прекращают танец и встают в два ряда; гости выстраиваются в линию, чтобы отплатить им.

Затем мужчины-гости из одной родственной секции танцуют перед женщинами из противоположной секции, чтобы «дать им *дзамалаг*». Они держат наперевес копы с лопатообразными наконечниками и делают вид, что вонзают их в женщин, но на деле лишь ударяют их наконечниками плашмя. «Мы не будем вас пронзать, ибо мы уже пронзили вас своими пенисами». Они дарят копыя женщинам. Затем мужчины-гости из другой родственной секции проделывают те же действия с женщинами из противоположной им секции и дают им копыя с зазубренными наконечниками. Этим церемония завершается, после чего следует щедрая раздача еды ³⁵.

Очень яркий пример, но именно такие случаи показательны. Благодаря относительно дружеским отношениям между народами, соседствующими друг с другом в Западном Арнемленде, гунвингу удастся преобразовать все элементы меновой торговли намбиквара (музыка и танцы, потенциальная враждебность, сексуальная интрига) в своего рода праздничную игру. Возможно, она не лишена опасностей, зато, как подчеркивает этнолог, все участники считают ее отличным развлечением.

У всех подобных случаев меновой торговли есть общая черта: они представляют собой встречи с чужаками, которые никогда не повторятся, а значит, не будет и каких-либо постоянных отношений. Именно поэтому прямой обмен здесь наиболее уместен: каждая сторона

³⁴ Berndt 1951: 161, ср. Gudeman 2001: 124–25, анализ которого довольно близок к моему.

³⁵ Berndt 1951: 162.

выменивает то, что хочет, и уходит. Все это становится возможным благодаря установлению контакта через совершение коллективных действий, приносящих удовольствие: через музыку и танцы, с которых обычно начинается празднество, всегда служащее прологом к торговле. Затем завязывается собственно торг, в котором обе стороны проявляют скрытую враждебность, неизбежно присутствующую во всяком обмене материальными предметами между чужаками, и в котором ни у одной из сторон нет причин *не* получить выгоду за счет другой посредством мнимой агрессии; хотя в случае с индейцами намбиквара, у которых формы установления контакта очень ограничены, мнимая агрессия постоянно грозит перерасти в настоящую. Гунвингу, с их более легким отношением к сексуальности, проявили изобретательность и объединили в одно целое агрессию и коллективные действия, приносящие удовольствие.

А теперь вспомните фразы из учебников по экономике: «Представьте себе общество без денег», «Представьте себе экономику, основанную на меновой торговле». Эти примеры со всей очевидностью доказывают одно: воображение у большинства экономистов очень ограничено

³⁶.

Почему? Проще всего ответить так: потому, что для самого существования дисциплины под названием «экономика», которая стремится в первую очередь выяснить, как люди пытаются заключить наиболее выгодное соглашение по обмену ботинок на картошку или одежды на копья, нужно допустить, что такой обмен не имеет ничего общего с войной, страстями, приключениями, тайнами, сексом или смертью. Экономика проводит между различными сферами человеческого поведения разграничение, которого просто не существует у народов вроде гунвингу или намбиквара. Это разграничение, в свою очередь, становится возможным благодаря весьма специфическим институциональным механизмам вроде юристов, тюрем и полиции, которые следят за тем, чтобы люди, не особо друг друга любящие и не заинтересованные в развитии каких-либо долгосрочных отношений, а просто стремящиеся захватить максимальное количество чужой собственности, всё же удерживались от того, чтобы давать волю рукам (то есть красть). Ну а это позволяет нам предположить, что жизнь четко разделена на сферу рынка, куда мы ходим за покупками, и «сферу потребления», к которой относятся наше увлечение музыкой и стремление к праздникам и к флирту. Иными словами, идея, из которой исходят все учебники по экономике и в распространении которой Адам Смит сыграл такую важную роль, стала столь важной частью общепринятых представлений, что мы с трудом можем себе вообразить, что всё может быть иначе.

Из приведенных нами примеров становится ясно, почему обществ, основанных на меновой торговле, не бывает. Такое общество могло бы существовать, только если каждый был бы в шаге от того, чтобы вцепиться в глотку другому; постоянно был бы готов нанести удар, но всякий раз воздерживался бы от этого. Меновая торговля действительно иногда ведется между людьми, которые не считают друг друга чужаками, но эти люди легко могли бы ими быть, поскольку не испытывают по отношению друг к другу ни ответственности, ни взаимного доверия и не желают развивать долгосрочные отношения. Например, пуштуны Северного Пакистана славятся своим радушием и гостеприимством. Меновая торговля здесь ведется между людьми, *не* связанными узами гостеприимства (или родства, или чего-либо еще):

Излюбленной формой обмена является меновая торговля, или адалбадал (давать-брать). Люди всегда готовы обменять какую-нибудь свою вещь на что-нибудь получше. Часто обмениваются подобными вещами: радиоприемниками, солнечными очками, часами. Однако обмен может вестись и несхожими предметами, например за велосипед могут дать двух

³⁶ Хотя, как будет показано ниже, неверно говорить о том, что международный бизнес никогда не касается музыки, танцев, пищи, наркотиков, элитной проституции или возможности применения насилия. Примеры, касающиеся последних двух сфер, см. в Perkins 2005.

ослов. Адал-бадал никогда не ведется между родственниками, что позволяет участникам получить удовольствие от выгодного для себя обмена. Человек, который считает, что совершил хорошую сделку, гордится и хвастается этим. Если обмен оказался невыгодным, то незадачливый участник сделки пытается от нее отказаться или, в случае неудачи, сбыть некачественный предмет тому, кто этого не подозревает. Лучший партнер по адал-бадалу – тот, что живет далеко и потому вряд ли будет жаловаться ³⁷.

Такими беззастенчивыми мотивами руководствуются не только в Центральной Азии. Они часть самой природы меновой торговли; именно этим объясняется, что за одно-два столетия до эпохи Смита английские слова «мена» («truck») и «меновая торговля» («barter»), равно как и их эквиваленты во французском, испанском, немецком, голландском и португальском языках, дословно означали «обман, мошенничество или надувательство» ³⁸. Обменивают напрямую одну вещь на другую, стремясь при этом получить максимальную выгоду от сделки, тогда, когда имеют дело с людьми, которых вряд ли увидят когда-либо еще. Почему бы *не* обхитрить такого человека? Если же ты заботаешься о ком-то, будь то сосед или друг, и хочешь вести дела с ним открыто и честно, то ты неизбежно будешь также принимать во внимание его личные потребности, желания и положение. Даже если ты обмениваешься с ним вещами, то постарайся представить это в виде подарка.

* * *

Чтобы объяснить, что я имею в виду, вернемся к учебникам по экономике и к проблеме «двойного совпадения потребностей». Мы оставили Генри, когда ему была нужна пара ботинок, а дома у него завалялось всего несколько картофелин. У Джошуа была лишняя пара ботинок, но картошка ему была не нужна. Деньги еще не изобретены, и у них возникла проблема. Как они поступят?

Прежде всего мы должны узнать немного больше о Джошуа и Генри. Кто они? Связывает ли их что-либо? Если да, то что? Видимо, они живут в небольшом поселке. У двух человек, всю жизнь живущих в одном и том же поселке, должна быть сложная история взаимоотношений. Кто они друг другу – приятели и друзья или соперники, союзники или враги либо все сразу вместе?

Авторы исходного примера, очевидно, имеют в виду двух соседей, приблизительно равных по социальному статусу, не очень тесно связанных друг с другом, но находящихся в дружеских отношениях, – то есть ситуация максимально близка к нейтральному равенству. Но это еще ни о чем не говорит. Например, если бы Генри жил в ирокезском длинном доме и ему были бы нужны ботинки, Джошуа не стал бы даже заходить туда; он просто упомянул бы об этом в разговоре с женой, которая обсудила бы вопрос с другими матронами, взяла бы необходимые материалы на общем складе длинного дома и сшила бы ему обувь сама. Или же, чтобы сценарий соответствовал тому, что описывается в учебниках по экономике, мы должны поместить Джошуа и Генри в маленькую общину вроде группы намбиквара или гунвингу:

Сценарий 1

Генри подходит к Джошуа и говорит: «Отличные ботинки!» Джошуа отвечает: «Не так уж они хороши, но, раз они тебе нравятся, бери». Генри берет ботинки. Картошка Генри в разговоре не упоминается, поскольку обе стороны

³⁷ Lindholm 1982: 116.

³⁸ Серве (Servet 2001: 20–21) приводит огромное количество таких терминов.

прекрасно знают, что, если у Джошуа закончится картошка, Генри ему ее даст и так.

Вот и всё. Конечно, в этом случае не ясно, как долго ботинки будут находиться у Генри. Это может зависеть от того, насколько они красивы. Если это обычная обувь, то дело на этом может и кончиться. Если же они уникальны или очень красивы, то они могут начать переходить из рук в руки. Есть один известный рассказ о том, как Джон и Лорна Маршалл, изучавшие бушменов пустыни Калахари в 1960-х годах, однажды дали нож одному из своих лучших информаторов. Потом они уехали, а когда вернулись год спустя, то обнаружили, что за это время практически каждый член группы успел побывать владельцем ножа. С другой стороны, мои арабские друзья подтверждают, что в менее эгалитарном обществе это обычный прием, чтобы получить то, что хочется. Если другу нравится твой браслет или кольцо, то считается, что ты должен тут же сказать: «Возьми его»; но, если ты хочешь оставить его у себя, ты всегда можешь сказать: «Красивый, правда? Это подарок».

Однако, судя по всему, авторы учебника имели в виду сделку, носящую более безличный характер. Они представляют себе двух глав патриархальных семейств, поддерживающих хорошие отношения и располагающих собственными запасами. Возможно, они живут в одном из шотландских сел, где также есть мясник и пекарь из примеров Адама Смита, или в колониальном поселении в Новой Англии. С той лишь поправкой, что о деньгах они никогда не слышали. Конечно, это чистая фантазия, но давайте посмотрим, что из этого получится:

Сценарий 2

Генри подходит к Джошуа и говорит: «Отличные ботинки!» Или – придадим этой истории более реалистичный вид – жена Генри болтает с супругой Джошуа и намеренно роняет фразу о том, что ботинки Генри просят каши.

Это доходит до ушей Джошуа, который на следующий день предлагает Генри в подарок лишнюю пару своих ботинок, настаивая на том, что это просто дружеский жест. Ничего взамен ему, разумеется, не нужно.

Неважно, насколько искренне Джошуа это говорит. Своим поступком Джошуа оказывает услугу, и Генри теперь будет ему обязан.

Как Генри оплатит Джошуа? Для этого есть бесконечное количество возможностей. Возможно, Джошуа действительно нужна картошка. Выждав какое-то время, Генри дает ему ее, настаивая на том, что это просто подарок. Или сейчас Джошуа картошка не нужна, и Генри ждет до тех пор, пока она ему понадобится. Или же год спустя Джошуа решит устроить банкет и, прогуливаясь однажды у скотного двора Генри, скажет: «Отличная свинья...»

В любом из этих сценариев проблема «двойного совпадения потребностей», о которой так часто идет речь в учебниках по экономике, просто-напросто исчезает. У Генри может не быть того, что Джошуа нужно сейчас. Но если они соседи, то через какое-то время ему понадобится что-то, что есть у Генри ³⁹.

Это, в свою очередь, означает, что упоминаемая Смитом необходимость складировать предметы, которые все готовы принять в качестве оплаты, тоже исчезает, а с ней пропадает и необходимость изобретать деньги. Как и во многих современных мелких общинах, каждый просто ведет учет того, кто что и кому должен.

³⁹ Утверждение столь очевидное, что странно, что его не выдвигали чаще. Насколько мне известно, единственным классическим экономистом, рассматривавшим возможность того, что отсроченные платежи могут сделать меновую торговлю ненужной, был Ральф Хоутри (Hawtrey 1928: 2, цит. по: Einzig 1949: 375). Все остальные безо всяких на то оснований утверждают, что любой обмен, даже между соседями, должен обязательно принимать форму того, что экономисты имеют обыкновение называть «продажей за наличный расчет».

Здесь есть одна большая концептуальная проблема, которую внимательный читатель, возможно, заметил. Генри «чем-то обязан Джошуа». Чем именно? Как можно измерить оказанную услугу? На основе чего можно сказать, что стоимость такого-то количества картошки или свиньи таких-то размеров более или менее соответствует стоимости пары ботинок? Ведь даже если всё это остается лишь грубым приближением, должен быть *какой-нибудь* способ, чтобы установить, что икс приблизительно равен игреку, или немного лучше, или хуже. Не подразумевает ли это, что должно существовать что-то похожее на деньги, выполняющее хотя бы функцию единицы измерения, при помощи которой можно сравнить стоимость различных предметов?

В экономиках дарения есть довольно примитивный способ решения этой проблемы. Устанавливается ряд классификационных категорий для *типов* вещей. Свиньи и обувь могут считаться предметами приблизительно равного статуса: ими можно легко обмениваться. Коралловое ожерелье совсем другое дело; за него нужно давать другое ожерелье или по крайней мере другой ювелирный предмет – антропологи обычно называют это установлением различных «сфер обмена»⁴⁰. Это до некоторой степени упрощает ситуацию. Когда меновая торговля между различными культурами приобретает регулярный характер, она, как правило, ведется в соответствии со схожими принципами: есть определенные виды вещей, которые обмениваются на другие (например, одежда на копья). Это облегчает процесс выработки традиционных эквивалентов, однако не решает проблему появления денег, а лишь усложняет ее. Зачем складировать соль, золото или рыбу, если их можно обменять только на определенные вещи и ни на какие другие?

На самом деле есть все основания полагать, что меновая торговля – феномен, который вовсе не существовал в древние времена, а получил распространение лишь в относительно недавнем прошлом. В большинстве известных нам случаев он действительно имеет место между людьми, привыкшими к использованию денег, но по тем или иным причинам не имеющими к ним доступа. Сложные системы обмена часто возникают после краха национальных экономик: так было в России в 1990-е годы и в Аргентине в 2002 году, когда в первом случае рубли, а во втором – доллары просто исчезли⁴¹. Иногда в таких условиях могут возникать определенные виды денег: например, известно, что в лагерях для военнопленных и во многих тюрьмах заключенные использовали в качестве таковых сигареты, к вящей радости профессиональных экономистов. Но в данном случае мы снова говорим о людях, которые привыкли к деньгам и теперь вынуждены без них обходиться, – это ровно та вымышленная ситуация из учебников по экономике, с которой я начал⁴².

Чаще проблема решается путем введения какой-либо кредитной системы. Судя по всему, это произошло, когда значительная часть Европы «обратилась к меновой торговле» после крушения Римской империи, а затем снова стала распадаться на части после заката империи Каролингов. Люди продолжали вести расчеты в старой имперской монете, хотя уже и не использовали ее⁴³. Точно так же пуштуны, которые любят менять велосипеды на ослов, вряд ли

⁴⁰ Bohannan 1955; Barth 1969. cf. Munn 1986, Akin & Robbins 1998. Хорошее изложение этой концепции можно найти в: Gregory 1982: 48–49. Грегори приводит пример системы, принятой в горных районах Папуа – Новой Гвинеи. Она насчитывает шесть категорий переменных: живые свиньи и казуары – это высшая категория, «подвески из жемчужных раковин, свиные полутуши, каменные топоры, головные уборы из перьев казуара и обручи для волос из раковин каури» – это вторая категория и т. д. Обычные предметы потребления относятся к двум последним категориям, которые состоят соответственно из деликатесов и основных видов овощей.

⁴¹ См. Servet 1998, Humphries 1985.

⁴² Классическое исследование на эту тему: Radford, 1945.

⁴³ Еще в начале XVII века старые каролингские обозначения назывались «воображаемыми деньгами» – все упорно продолжали считать, что использовали фунты, шиллинги и пенсы (или ливры, денье и су) в течение последних 800 лет, хотя на протяжении большей части этого периода настоящие деньги выглядели совсем иначе или вовсе не существовали (Einaudi 1936).

незнакомы с использованием денег. Деньги существовали в этой части мира на протяжении тысяч лет. Они просто предпочитают прямой обмен между равными по статусу людьми – в данном случае потому, что считают его более достойным мужчин занятием ⁴⁴.

Примечательно, что даже в примерах Адама Смита, где рыба, гвозди и табак используются в качестве денег, происходит то же самое. После издания «Богатства народов» ученые исследовали большинство таких случаев и обнаружили, что почти в каждом из них люди, участвовавшие в обмене, имели привычку использовать деньги и на самом деле *использовали* их в качестве расчетной единицы ⁴⁵. Возьмем пример сушеной трески, которая предположительно использовалась в качестве денег в Ньюфаундленде. Как отмечал британский дипломат А. Митчелл-Иннес почти столетие назад, описание Смита – действительно иллюзия, созданная простым предоставлением кредита:

На ранних этапах рыбного промысла в Ньюфаундленде не было постоянного европейского населения. Рыбаки приезжали сюда только на рыболовный сезон, а те, кто не был рыбаком, были торговцами, которые покупали сушеную рыбу и торговали предметами, в которых нуждались рыбаки. Последние продавали торговцам свой улов по рыночной цене в фунтах, шиллингах и пенсах, а взамен получали кредит в расчетных книгах торговцев, при помощи которого оплачивали свои покупки. Оставшиеся задолженности торговцев перед рыбаками оплачивались посредством платежных поручений в Англии или во Франции ⁴⁶.

То же самое происходило в шотландской деревне. Никто не приходил в местный паб, не швырял на стойку кровельный гвоздь и не требовал за него пинту пива. Наниматели во времена Смита часто не располагали монетами для оплаты труда своих рабочих; зарплаты могли задерживаться по году и более; поэтому допускалось, чтобы работодатели отдавали им часть своих собственных товаров или остатки рабочих материалов, дрова, ткани, веревки и т. д. Гвозди, по сути дела, были процентами по долгу нанимателей перед рабочими. Когда ситуация позволяла, работодатели приходили в паб с записной книжкой и сумкой с гвоздями, чтобы погасить часть долга. Закон, разрешивший использовать в Виргинии табак в качестве платежного средства, видимо, представлял собой попытку плантаторов вынудить местных купцов принимать их товар в качестве уплаты кредита во время сбора урожая. Закон действительно заставил всех виргинских купцов превратиться в посредников в табачном бизнесе, хотели они того или нет; точно так же купцам Вест-Индии пришлось начать торговать сахаром, поскольку именно им расплачивались по своим долгам все их наиболее состоятельные клиенты.

Так что изначально люди изобретали кредитные системы потому, что настоящих денег – золотых и серебряных монет – не хватало. Но самый сильный удар по общепринятой версии экономической истории нанесла расшифровка сначала египетских иероглифов, а затем клинописи Месопотамии, расширившая горизонт научных знаний о письменной истории почти на три тысячелетия, от времен Гомера (около 800 года до н. э.), до которых она доходила в эпоху Смита, приблизительно до 3500 года до н. э. Эти тексты показали, что кредитные системы такого рода появились на тысячи лет *раньше*, чем чеканка монет.

⁴⁴ Другие примеры меновой торговли, сосуществующей с использованием денег, см. в: Orlove 1986; Barnes & Barnes 1989.

⁴⁵ Один из недостатков превращения вашей книги в классическую состоит в том, что люди зачастую проверяют подобные примеры. (Одно из преимуществ – даже если обнаруживается, что вы ошибаетесь, на вас всё равно будут ссылаться как на авторитет.)

⁴⁶ Innes 1913: 378. Далее он отмечает: «Путем нехитрых умозаключений можно прийти к выводу, что основной товар нельзя использовать в качестве денег, поскольку гипотетически средство обмена в равной степени принимается всеми участниками сообщества. Значит, если рыбаки расплачиваются за свои покупки треской, торговцы тоже должны платить им треской за треску, а это очевидный абсурд».

О месопотамской системе мы располагаем более полной информацией, чем о египетской системе времен фараонов (похожей на месопотамскую), китайской системе эпохи Шан (о которой мы знаем мало) или системе цивилизации долины Инда (о которой мы вообще ничего не знаем). Как часто бывает, о Месопотамии мы много знаем потому, что большинство клинописных табличек касалось финансовых вопросов.

В шумерской экономике доминировали крупные дворцовые и храмовые комплексы. Зачастую в них работали тысячи человек: священники и чиновники, ремесленники, трудившиеся в мастерских комплексов, скотоводы и крестьяне, обрабатывавшие обширные земельные владения, которые принадлежали дворцам и храмам. Даже несмотря на то, что древний Шумер был раздроблен на множество независимых городов-государств, ко времени, когда над месопотамской цивилизацией поднимается занавес истории, а именно к 3500 году до н. э., храмовые управители, по-видимому, уже разработали единообразную систему учета – ее элементами мы пользуемся до сих пор, ведь именно шумерам мы обязаны такими понятиями, как дюжина или 24-часовой день ⁴⁷. Базовой денежной единицей был серебряный сикель. Его вес был равен одному гуру, или бушелю ячменя. Сикель делился на 60 минут, каждая из которых соответствовала одной порции ячменя: поскольку месяц состоял из 30 дней, то каждый храмовый работник ежедневно получал по две порции ячменя. Легко заметить, что «деньги» в данном случае не являются продуктом торговых сделок. Они были созданы бюрократами для того, чтобы отслеживать использование ресурсов и распределять вещи.

Храмовые бюрократы использовали эту систему, чтобы устанавливать размер долгов (рент, сборов, займов и т. д.) в серебре. Серебро, собственно, и было деньгами. И оно действительно обращалось в виде необработанных брусков, или в «слитках», по определению Смита ⁴⁸. В этом он был прав. Но это единственное, в чем он был прав. Обращение серебра было довольно ограниченным. В основном оно оседало в храмовых и дворцовых сокровищницах, причем часть его тщательно хранилась в одном и том же месте на протяжении тысяч лет. Было бы довольно просто стандартизировать слитки, штамповать их и создать какую-нибудь надежную систему, которая гарантировала бы их пробу. Технологии для этого были. Но никто в этом не видел особой необходимости. Одна из причин заключалась в том, что, хотя долги исчислялись в серебре, они не должны были *выплачиваться* серебром – их могли выплачивать вообще чем угодно. Крестьяне, которые были должны денег храму, или дворцу, или же какому-нибудь храмовому либо дворцовому чиновнику, долги возвращали в основном ячменем, поэтому установление соотношения серебра к ячменю имело такое значение. Но долг можно было погасить и козами, мебелью или лазуритом. Храмы и дворцы были крупными промышленными центрами и могли найти применение почти всему ⁴⁹.

На рынках, возникших в городах Месопотамии, цены тоже рассчитывались в серебре, а цены на товары, которые не полностью контролировались храмами и дворцами, колебались в зависимости от соотношения спроса и предложения. Но даже там, как показывают факты, большинство сделок основывалось на кредите. Купцы (которые иногда работали на храмы, а иногда действовали независимо) были из числа тех немногих, кто часто использовал серебро, но даже они совершали большую часть своих сделок в кредит, а обычные люди, покупая пиво у трактирщиц или хозяев постоянных дворов, записывали его на свой счет и во время урожая возвращали долг ячменем или тем, что у них было под рукой ⁵⁰.

Эти аргументы разносят в пух и прах общепринятую историю о происхождении денег. Редко когда историческая теория оказывалась настолько несостоятельной. Уже в начале

⁴⁷ Судя по всему, сначала появились храмы; дворцы, значение которых со временем росло, переняли их административную систему.

⁴⁸ Это не выдумки Смита: сегодня такие слитки обозначаются термином «чушка» (например, Balmuth 2001).

⁴⁹ Ср. описание египетской системы у Grierson, 1977: 17.

⁵⁰ Например, Hudson, 2002: 25, 2004: 114.

XX века имелись все необходимые элементы для того, чтобы полностью переписать историю денег. Основу для этого заложил Митчелл-Иннес – тот самый, чье описание использования трески я цитировал выше – в двух эссе, опубликованных в нью-йоркском «Журнале банковского права» в 1913 и 1914 годах. В них Митчелл-Иннес сухо опроверг ложные представления, на которых зиждилась экономическая история, и высказал мысль о том, что писать нужно историю долга:

Согласно одному из распространенных заблуждений, касающихся торговли, средство для сбережения денег под названием «кредит» было создано в современную эпоху, а до этого все покупки оплачивались наличными, то есть монетами. Внимательное исследование показывает, что всё было ровно наоборот. В прежние времена монеты играли намного меньшую роль в торговле, чем теперь. Количество монет было так ограничено, что их не хватало даже на удовлетворение потребностей королевского дома (Англии в Средние века) и сословий, которые регулярно использовали жетоны разного рода для того, чтобы осуществлять мелкие платежи. Объемы чеканки были столь незначительны, что иногда короли не колеблясь собирали все монеты и переплавляли, при этом торговля продолжала идти своим чередом ⁵¹.

Наше устоявшееся представление об истории денег перевернуто с ног на голову. Мы не начинали с меновой торговли, потом изобрели деньги, а затем стали развивать кредитные системы. Всё было ровно наоборот. Сначала появились те деньги, которые мы называем виртуальными. Монеты появились намного позже, их распространение было неравномерным, и им так и не удалось полностью вытеснить кредитные системы. А меновая торговля является скорее случайным следствием использования монет или бумажных денег: исторически ее вели люди, которые привыкли к сделкам с наличностью, но по тем или иным причинам не имели к ней доступа.

Любопытно, что эта новая история так и не была написана. Митчелл-Иннеса экономисты опровергать не стали – они его просто игнорировали. История, излагаемая в учебниках, осталась прежней, хотя все факты свидетельствовали о ее ошибочности. Люди продолжают писать истории денег, представляющие собой истории чеканки монет, в которых всё повторяется; периоды, когда чеканка практически прекращалась, описываются как времена, когда экономика «возвращалась к меновой торговле», как если бы смысл этой фразы был очевиден, хотя никто на самом деле не знает, что она означает. В результате мы не можем себе представить, как, скажем, в 950 году житель нидерландского города покупал сыр или ложки или нанимал музыкантов на свадьбу своей дочери, и уж тем более, как это все происходило на острове Пемба или в Самарканде ⁵².

⁵¹ Innes, 1913: 381.

⁵² Питер Спаффорд в своем монументальном труде «Деньги и их использование в средневековой Европе» (Spufford 1988), сотни страниц которого посвящены золотым и серебряным рудникам, монетным дворам и порче монеты, лишь два или три раза упоминает различные виды свинцовых или кожаных жетонов или мелкие кредитные соглашения, при помощи которых люди совершали подавляющее большинство повседневных сделок. По его словам, об этом «мы почти ничего не знаем» (Spufford 1988: 336). Еще более яркий пример – бирки, которые нам будут часто встречаться: их использование вместо денег было широко распространено в Средние века, но систематических исследований по этому вопросу, особенно за пределами Англии, почти не проводилось.

Глава III

Изначальные долги

Поистине, каждый, кто существует, уже по рождению рождается в долгу перед богами, риши, предками и людьми... Тем, что должен совершать жертвоприношения, он рождается в долгу перед богами... А тем, что должен учиться (веде), он рождается в долгу перед риши... А тем, что должен желать потомства, он рождается в долгу перед предками... А тем, что должен давать приют, он рождается в долгу перед людьми.

Шатапатха-брахмана 1.7.2, 1–5

*Как собираем мы шестнадцатую часть,
Как восьмью, как (весь) долг,
Так собираем мы для Анты
Весь дурной сон.*

Ригведа 8.47.17

Причина, по которой нынешние учебники по экономике начинаются с описания воображаемых деревень, состоит в том, что в реальной жизни таких деревень нет. Даже некоторые экономисты были вынуждены признать, что Земли меновой торговли, о которой писал Смит, не существует⁵³.

Вопрос в том, почему, несмотря ни на что, этот миф продолжает существовать. Экономисты давно отвергли другие положения «О богатстве народов», например рабочую теорию стоимости Смита и его критическую оценку акционерных компаний. Почему просто не признать, что миф о меновой торговле – это лишь забавная притча эпохи Просвещения, и не попытаться исследовать изначальные кредитные соглашения или хотя что-то более соответствующее историческим фактам?

На самом деле от мифа о меновой торговле нельзя отказаться, поскольку он играет центральную роль во всей экономической науке.

Вспомним, чего хотел добиться Смит, когда писал свой труд «О богатстве народов». В первую очередь он пытался обосновать право на существование новоявленной экономической дисциплины. Это означало, что она не только имела свою особую сферу исследования, которую мы теперь называем «экономикой» (сама мысль о том, что есть нечто под названием «экономика», во времена Смита была внове); она еще и действовала в соответствии с законами, подобными тем, которые управляют физическим миром и которые незадолго до того открыл сэр Исаак Ньютон. Ньютон представлял Бога в образе небесного часовщика, который создал физический механизм Вселенной, действующий во благо человечества, и затем предоставил его самому себе. Смит пытался вывести закон, подобный Ньютону⁵⁴. Бог, или, как он выражался, Божественное провидение, устроил дела таким образом, что в условиях свобод-

⁵³ Хайнсон и Стайгер (Heinsohn & Steiger 1989) даже считают, что главная причина, по которой их коллеги-экономисты не отказались от этой истории, заключается в том, что антропологи до сих пор не предложили убедительной альтернативы. И почти все истории денег по-прежнему начинаются с фантастических рассказов о меновой торговле. Другой прием заключается в обращении к чисто тавтологическим определениям: если «меновая торговля» представляет собой экономическую сделку, которая совершается без использования денег, то любая экономическая сделка, осуществляющаяся без денег, является меновой торговлей, вне зависимости от ее формы и содержания. Глен Дэвис (Glyn Davies 1996: 11–13) даже потлач описывает как «меновую торговлю».

⁵⁴ Мы часто забываем о том, что во всем этом была сильная религиозная составляющая. Сам Ньютон ни в коей мере не был атеистом, напротив, он пытался использовать свои математические способности для того, чтобы доказать, что мир действительно был создан приблизительно 23 октября 4004 года до н. э., как еще до него утверждал епископ Ашшер.

ного рынка нашим стремлением к достижению личного интереса будет руководить «невидимая рука», направляющая его к пользе всего общества. Знаменитая невидимая рука Смита является, как он пишет в своей «Теории нравственных чувств», орудием в руках Божественного провидения. Фактически это рука Господа ⁵⁵.

После того как основы экономической науки были заложены, потребность в теологических доводах отпала. Люди продолжают спорить, действительно ли свободный рынок принесет те плоды, о которых говорил Смит; но никто не задается вопросом, существует ли на самом деле «рынок». Вытекающие из этого понятия исходные допущения стали общепринятыми – настолько, что, как я отмечал, мы просто уверены: когда ценные предметы переходят из рук в руки, то это происходит потому, что два человека решили, будто они оба получают от обмена ими материальную выгоду. Интересным следствием этого стало то, что экономисты стали считать неважным, используются ли, собственно, деньги или нет, поскольку деньги – это всего лишь товар, который призван облегчить обмен и который мы применяем для оценки стоимости других товаров. Иными словами, специфических свойств у него нет. Более того, в 1958 году Пол Сэмюэльсон, один из ведущих ученых неоклассической школы, которая до сих пор преобладает в современной экономической мысли, с презрением отозвался о том, что он называл «выдуманной социальной функцией денег». «Даже в самых развитых индустриальных экономиках, – утверждал он, – если мы сведем обмен к базовым операциям и уберем слой денег, который только сбивает с толку, то мы увидим, что торговля между людьми и странами основывается на меновой торговле» ⁵⁶. Другие говорили о «завесе денег», скрывающей природу «реальной экономики», в которой люди производят реальные товары и услуги и обмениваются ими ⁵⁷.

Это – апофеоз общепринятой экономической науки. Деньги неважны. Экономики – «реальные экономики» – на самом деле представляют собой огромные системы меновой торговли. Проблема в том, что, как учит нас история, таких огромных систем меновой торговли без денег не бывает. Даже когда экономики «возвращаются к меновой торговле», как это якобы произошло в Европе в Средние века, они не отказываются от употребления денег. В них перестает использоваться наличность. В Средние века, например, все продолжали определять стоимость инструментов и скота в старых римских монетах, хотя сами эти монеты исчезли из обращения ⁵⁸.

Именно деньги дали нам возможность представлять себя такими, какими рисуют нас экономисты, то есть собранием людей и народов, главным занятием которых является обмен вещами. Очевидно также, что самого по себе существования денег недостаточно для того, чтобы воображать себе мир таким. Если бы он действительно был таким, то экономическая наука была бы создана древними шумерами, ну или, во всяком случае, задолго до 1776 года, когда вышла в свет книга Адама Смита «О богатстве народов».

Недостающим элементом здесь является то, что Смит старался затушевать, а именно роль правительственной политики. В Англии во времена Смита стало возможным рассматривать рынок – мир торговцев мясом, скобяными изделиями и галантерейными товарами – как совершенно обособленную сферу человеческой деятельности благодаря тому, что британское правительство активно поощряло его развитие. Для этого были нужны законы и полиция, а также специфическая монетарная политика, за которую ратовали – причем успешно –

⁵⁵ Смит впервые использует словосочетание «невидимая рука» в своей работе «История астрономии» (III.2), но в «Теории нравственных чувств» (IV.1.10) он прямо говорит, что невидимая рука рынка – это рука «Провидения». О теологии Смита в целом см. в: Nicholls 2003: 35–43; о возможных связях со средневековым исламом см. гл. 10 нашей книги.

⁵⁶ Samuelson 1948: 49. Критику этой позиции см. в Heinsohn and Steiger 1989, а также Ingham 2004.

⁵⁷ Pigou 1949. Бояновски (Boianovsky 1993) излагает историю этого термина.

⁵⁸ «Нам не известна ни одна экономика, где меновая торговля осуществлялась бы без использования денег» (Fayazmanesh 2006: 87) – он имеет в виду учетные деньги.

либералы вроде Смита ⁵⁹. Она предполагала привязку валюты к серебру и в то же время значительное расширение денежного предложения, прежде всего за счет увеличения количества мелкой монеты в обращении. Это потребовало не только большого количества олова и меди, но и тщательного регулирования банков, которые в те времена были единственными эмитентами бумажных денег. В столетие, предшествовавшее изданию «О богатстве народов», с треском провалились по меньшей мере две попытки создать центральные банки, которые бы пользовались государственной поддержкой: во Франции и в Швеции. В каждом из этих случаев будущий центральный банк выпускал банкноты, руководствуясь спекулятивными соображениями, и терпел крах тогда, когда инвесторы утрачивали к нему доверие. Смит поддерживал использование бумажных денег, но, как и Локк до него, верил, что относительный успех Банка Англии и Банка Шотландии был обусловлен тем, что они крепко привязали бумажные деньги к драгоценным металлам. Эта идея получила такое распространение среди экономистов, что альтернативные теории, рассматривавшие деньги как кредит, например та, что предлагалась Митчелл-Иннесом, очень скоро стали считаться маргинальными, а за их сторонниками закрепилась слава чудаков, поскольку стало считаться, что такой подход ведет в первую очередь к появлению плохих банков и спекулятивных пузырей.

Имеет смысл рассмотреть подробнее эти альтернативные теории.

⁵⁹ О роли правительства в появлении и развитии «саморегулирующегося рынка» в целом см. Polanyi 1949 (Поланьи Карл. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002). Традиционное представление либеральных экономистов о том, что если правительство самоустранится, то рынок появится сам собой, без предварительного создания необходимых юридических, правоохранительных и политических институтов, было опровергнуто, когда идеологи свободного рынка попытались навязать эту модель в бывшем Советском Союзе в 1990-х годах.

Государство и кредитные теории денег

Митчелл-Иннес был представителем направления, которое вошло в историю как кредитная теория денег. В XIX веке своих самых горячих поборников она обрела не на родине Митчелл-Иннеса, в Великобритании, а в двух быстро развивавшихся державах, которые стали ее соперницами: в Соединенных Штатах и в Германии. Сторонники кредитной теории утверждали, что деньги – это не товар, а инструмент учета. Иными словами, это вовсе не «вещь». К доллару или дойчмарке так же трудно прикоснуться, как к часу или к кубическому сантиметру. Денежные единицы – это лишь абстрактные единицы измерения, и, как справедливо отмечали сторонники кредитной теории, исторически такие абстрактные системы учета появились задолго до каких-либо знаков обмена ⁶⁰.

Дальше напрашивается вопрос: если деньги всего лишь измерительная линейка, то что, собственно, они измеряют? Ответ простой: долг. Монета на самом деле представляет собой долговую расписку. В то время как, согласно традиционным представлениям, банкнота является или должна быть обещанием выплатить определенное количество «реальных денег» (золота, серебра или любой другой вещи, наделенной таким смыслом), сторонники кредитной теории полагали, что банкнота – это просто обещание заплатить *нечто* имеющее такую же стоимость, как унция золота. И ничего более. В этом отношении нет принципиальной разницы между серебряным долларом, долларовой монетой Сьюзен Б. Энтони из медно-никелевого сплава, немного похожего на золото, зеленой бумажкой с портретом Джорджа Вашингтона или цифровыми данными, хранящимися в компьютере какого-нибудь банка. Мысль о том, что золотая монета – это всего лишь долговая расписка, довольно трудно доходит до сознания людей, но она отражает действительность, потому что даже в те времена, когда имели хождение золотые и серебряные монеты, они почти никогда не соответствовали стоимости этих металлов.

Как могли появиться кредитные деньги? Вернемся в воображаемый город из учебников по экономике. Допустим, Джошуа отдал свои ботинки Генри. Скорее всего, Генри не будет обязан ему услугой, а пообещает дать что-то равное ботинкам по стоимости ⁶¹. Генри даст Джошуа долговую расписку. Джошуа может подождать, пока у Генри не появится что-нибудь ценное, чтобы расплатиться по долгу. В этом случае Генри порвет расписку, и дело на этом закончится. Но предположим, что Джошуа передаст расписку третьей стороне – Шейле, которой он должен что-то еще. Она может использовать расписку, чтобы погасить свой долг перед четвертой стороной, Лолой, и тогда Генри будет должен эту сумму ей. Так и появляются деньги, ведь никаких логических ограничений у этого процесса нет. Шейла хочет купить пару обуви у Эдиты; она просто отдает расписку Эдите и уверяет ее, что Генри можно доверять. В принципе нет причин, по которым расписка не могла бы находиться в обращении в этом городе годами, при условии что люди по-прежнему доверяют Генри. Более того, если это продолжается долго, люди вообще могут забыть, кто выдал эту расписку. Такое случается в реальной жизни. Антрополог Кейт Харт однажды рассказал мне историю из жизни своего брата, который в 1950-х годах служил в британских войсках, расквартированных в Гонконге. Чтобы расплатиться по счету в барах, солдаты выписывали чеки на счета, размещенные в Англии. Местные торговцы зачастую просто передавали их друг другу и обращались с ними как с валютой: однажды он увидел на при-

⁶⁰ Иннес, как обычно, отлично это формулирует: «Глаза никогда не видели, а руки никогда не притрагивались к доллару. Всё, что мы можем потрогать или увидеть, это обещание заплатить или погасить долг за некое количество под названием «доллар»». Далее он отмечает, что «все наши единицы измерения являются тем же самым. Никто никогда не видел унцию, фут или час. Фут – это расстояние между двумя точками, но ни расстояние, ни точки физически не существуют» (Innes 1914: 155).

⁶¹ Отметим, что это предполагает наличие неких средств для расчета этой стоимости, то есть какие-то учетные деньги уже существуют. Это может показаться очевидным, но многие антропологи упускают этот факт из виду.

лавке местного продавца один из чеков, который он выписал за полгода до того и на котором красовалось около 40 различных мелких надписей по-китайски.

Поборники кредитной теории вроде Митчелл-Иннеса утверждали, что, даже если бы Генри дал Джошуа золотую монету вместо бумажки, ничего бы, в сущности, не изменилось. В конце концов, люди принимают золотые монеты не потому, что они ценны сами по себе, а потому, что полагают, что их примут и другие люди.

В этом смысле стоимость денежной единицы является не мерой стоимости предмета, а мерой доверия по отношению к другим людям.

Этот элемент доверия, естественно, всё усложняет. Обращение первых банкнот происходило почти так, как я только что описал, за тем лишь исключением, что, подобно китайским торговцам, каждый получатель добавлял свою подпись, которая гарантировала законность долга. Но в целом проблема хартальной теории – такое название она получила от латинского слова *charta*, то есть бумага, – заключалась в том, чтобы объяснить, почему люди и дальше продолжали доверять клочку бумаги. В конце концов, почему кто-нибудь не мог просто взять и написать имя Генри на расписке? Такая система долговых расписок могла работать в маленьком селении, где все друг друга знали, или даже в более крупном сообществе вроде итальянских купцов XVI века или китайских торговцев века двадцатого, каждый из которых следил за делами остальных. Но подобные системы не могут положить начало полноценной денежной системе – документальных подтверждений этому нет. Для того чтобы даже в городе средних размеров каждый житель мог осуществлять значительную часть своих ежедневных покупок в такой валюте, потребовались бы миллионы расписок ⁶². Генри должен был бы быть сказочно богат, чтобы все их гарантировать.

В то же время всё это было бы намного меньшей проблемой, если бы Генри был, например, Генрихом II, королем Англии, герцогом Нормандии, лордом Ирландии и графом Анжу.

Начальный импульс хартальной теории задали ученые так называемой немецкой исторической школы, самым известным представителем которой был историк Г. Ф. Кнапп, опубликовавший свой труд «Государственная теория денег» в 1905 году ⁶³. Если деньги – это единица измерения, то императорам и королям имело смысл самим заниматься ими, ведь они почти всегда стремятся установить в своих владениях единообразные системы мер и весов. Справедливо также замечание Кнаппа о том, что такие системы оказываются очень стабильными на протяжении длительного времени. Во времена Генриха II (1154–1189) практически все в Западной Европе продолжали вести счета, используя систему, введенную Карлом Великим за 350 лет до того, то есть считая в фунтах, шиллингах и пенсах, даже несмотря на то, что некоторые из этих монет никогда не существовали (Карл Великий никогда не чеканил серебряный фунт) и что в обращении не осталось ни одного шиллинга или пенса, выпущенного при Карле Великом, а те монеты, которые всё еще имели хождение, сильно различались по размеру, весу, чистоте пробы и стоимости ⁶⁴. С точки зрения хартальной теории это не имеет особого значения. Важно то, что существует единообразная система измерения кредитов и долгов и что эта система остается стабильной во времени. Пример денег Карла Великого особенно показателен.

⁶² Чтобы читатель мог представить себе этот масштаб: даже в относительно небольшом торговом городе-государстве Гонгкунг сейчас в обращении находится около 23,3 млрд долларов при населении приблизительно в 7 млн человек. Таким образом, на одного жителя Гонгконга приходится более 3000 долларов.

⁶³ «Истоки государственной теории восходят к началу XIX века, когда [Адам] Мюллер опубликовал книгу „Новая теория денег“, в которой попытался объяснить стоимость денег через выражение коллективного доверия и национальной воли. Эти идеи достигли полного развития в „Государственной теории денег“ Г.-Ф. Кнаппа, впервые изданной в Германии в 1905 году. Кнапп считал абсурдными попытки понять деньги „без идеи государства“. Деньги – это не средство, рождающееся из обмена, а скорее средство учета долгов, самыми важными из которых являются долги налоговые» (Ingham 2004: 57). Книга Ингема – отличное изложение хартальной теории; значительная часть аргументации, которую я привожу, изложена в ней намного подробнее. Однако, как станет видно позже, по некоторым вопросам наши точки зрения расходятся.

⁶⁴ По-французски: ливры, су и денье.

телен, поскольку его империя распалась довольно быстро, а созданная им денежная система продолжала использоваться для ведения счетов на некогда подвластных ему территориях на протяжении более 800 лет. В XVI веке ее открыто называли «воображаемыми деньгами», а от денье и ливров как от единиц ведения счета отказались лишь во времена Французской революции⁶⁵.

По мнению Кнаппа, не так уж важно, соответствуют ли деньги, действительно находящиеся в обращении, этим «воображаемым деньгам». Нет разницы, выполняют ли роль реальных денег чистое серебро или серебро с примесью, кожаные денежные знаки или сушеная треска, – главное, чтобы государство соглашалось принимать их в качестве уплаты налогов. Ведь то, что государство соглашалось принимать, и становилось деньгами. Одной из основных форм денег в Англии времен Генриха были бирки с зарубками, которые использовались для записи долгов. Бирки, по сути, были долговыми расписками: обе стороны, участвовавшие в сделке, брали прут орехового дерева, делали на нем зарубки, указывавшие размер долга, и затем разрубали его на две части. Та часть, которую забирал кредитор, называлась *the stock* (отсюда термин *stock holder* – «держатель акций»). Часть должника называлась *the stub* (отсюда термин *ticket stub* – «отрывной талон»). Налоговые чиновники использовали такие прутья для подсчета сумм, которые должны были выплачивать местные шерифы. Но зачастую казначейство Генриха предпочитало не ждать получения налоговых выплат, а продавало бирки по сниженной цене, и все, кто хотел торговать в обмен на них, могли использовать эти знаки долга перед правительством⁶⁶.

Современные банкноты работают по такому же принципу, только наоборот⁶⁷. Вспомните нашу притчу о долговой расписке Генри. Читатель, возможно, заметил, что в этом уравнении есть один путанный момент: расписка может играть роль денег только потому, что Генри не выплачивает свой долг. Именно на этой основе был создан Банк Англии – первый успешный современный центральный банк. В 1694 году консорциум английских банкиров предоставил королю заем в 1200 тыс. фунтов стерлингов. Взамен они получили королевскую монополию на выпуск банкнот. На практике это означало, что в обмен на ту долю денег, которую им должен был король, они имели право выдавать расписки любому жителю королевства, желавшему взять у них кредит или положить свои деньги в банк, то есть пустить в обращение или «монетизировать» вновь созданный королевский долг. Для банкиров это была отличная сделка (они брали с короля восемь процентов годовых с изначального долга и взимали процент еще и с клиентов, которые занимали эти деньги), но всё это могло работать только до тех пор, пока долг оставался невыплаченным. До сегодняшнего дня этот заем так и не был возвращен. И не может быть возвращен. Если бы он был выплачен, вся денежная система Великобритании перестала бы существовать⁶⁸.

Такой подход позволяет раскрыть одну из главных загадок налоговой политики многих ранних государств: почему они вообще заставляли подданных платить налоги? Мы не привыкли задаваться таким вопросом. Ответ кажется очевидным. Правительства требуют уплаты налогов, потому что хотят наложить руку на деньги людей. Но если Смит был прав и золото и серебро стали деньгами благодаря естественному функционированию рынка, который никак

⁶⁵ Einaudi 1936. Чиполла (Cipolla 1967) называет их «призрачными деньгами».

⁶⁶ О бирках: Jenkinson 1911, 1924; Innes 1913; Grandell 1977; Baxter 1989; Stone 2005.

⁶⁷ Снелл (Snell 1919: 240) отмечает, что, объезжая свои владения, короли иногда захватывали скот или другие предметы по «преимущественному» праву и расплачивались за них бирками, но позже было очень сложно заставить королевских представителей выплатить деньги: «Подданных вынуждали продавать; и хуже всего было то, что поставщики королевского двора имели обыкновение платить не наличными, а казначейскими бирками или тумачами... На практике при такой системе, дававшей простор для безнаказанного вымогательства, получить свое было делом непростым, из-за чего она стала предметом многочисленных жалоб в нашей ранней народной поэзии».

⁶⁸ В этом отношении интересно также отметить, что Банк Англии продолжал использовать бирки во внутренней отчетности во времена Адама Смита и отказался от этой практики только в 1826 году.

не зависел от правительств, то не было бы для них естественным захватить контроль над золотыми и серебряными рудниками? Тогда короли смогли бы чеканить столько денег, сколько им было бы нужно. Собственно, это короли обычно и делали. Если на их территории находились золотые и серебряные рудники, они прибирали их к рукам. Так зачем вообще нужно добывать золото, штамповать на нем собственное изображение, пускать его в обращение между своими подданными, а потом требовать от них, чтобы они его возвращали?

Это похоже на головоломку. Но если деньги и рынки появляются не стихийно, то всё встает на свои места. Потому что это самый простой и эффективный способ создать рынки. Возьмем гипотетический пример. Допустим, король хочет обеспечить снабжение постоянной армии численностью в 50 тыс. человек. В условиях Древности или Средневековья прокормить такое войско было целой проблемой: если оно не было в походе, то нужно было задействовать почти столько же людей для размещения солдат и для закупки и транспортировки необходимых им товаров ⁶⁹. С другой стороны, если вы просто даете солдатам монеты, а потом каждую семью в королевстве обязываете вернуть вам одну из этих монет, то вся экономика страны, как по мановению волшебства, превращается в огромную машину, работающую на снабжение армии, поскольку теперь для того, чтобы получить монеты, каждая семья должна каким-то образом содействовать общим усилиям по обеспечению солдат необходимыми им вещами. Рынки возникают как побочный эффект.

Это сильно упрощенная версия, но совершенно очевидно, что рынки стали возникать вокруг древних армий; достаточно взглянуть на трактат Каутильи «Артхашастра», сасанидский «круг суверенитета» или китайский «Спор о соли и железе», чтобы убедиться в том, что древние правители в основном занимались тем, что размышляли над взаимосвязью между рудниками, солдатами, налогами и продовольствием. Большинство из них пришло к выводу, что создание такого рода рынков было целесообразным не только для того, чтобы кормить солдат, но и во всех прочих отношениях, поскольку теперь офицерам не было надобности реквизировать напрямую у населения всё, что им было нужно, или производить это на царских землях или в царских мастерских. Иными словами, в отличие от прочно укоренившегося либерального представления, которое идет от Смита и заключается в том, что государства и рынки до некоторой степени противостоят друг другу, исторические факты свидетельствуют, что всё было с точностью до наоборот. Общества, не имевшие государства, как правило, не знали и рынков.

Как нетрудно представить, государственные теории денег всегда проклинались экономистами, которые следовали традиции, идущей от Адама Смита. Хартализм нередко считался популистской версией экономической теории, которая пользовалась популярностью у разных чудаков ⁷⁰. Забавно, что традиционные экономисты часто устраивались работать при правительствах и советовали им, как осуществлять политику вроде той, что описывали сторонники хартализма, а именно налоговую политику, которая преследует цель создавать рынки там, где их раньше не было. И это несмотря на то, что в теории они придерживались положения Смита о возникновении рынков стихийно, по собственному почину.

Особенно ярко это проявлялось в колониальном мире. Вернемся на мгновение на Мадагаскар: я уже упоминал, что одной из первых вещей, которую сделал французский генерал Галльени, покоритель Мадагаскара, после завершения завоевания острова в 1901 году, стало введение подушного налога. Этот налог не только был высоким, но еще и должен был выплачиваться в новых малагасийских франках. Иными словами, Галльени напечатал деньги, а потом стал требовать, чтобы каждый житель страны вернул ему часть этих денег.

⁶⁹ Классическое исследование такого рода проблем см. в Engels (1978).

⁷⁰ Обращалась она в первую очередь к должникам, которых по понятным причинам привлекала мысль о том, что долг — это лишь социальный механизм, ни в коей мере не остававшийся неизменным, а создававшийся политикой правительства, которая легко могла быть изменена, — кому будет выгодна инфляционная политика, понятно и так.

Но самым поразительным было то, как описывался этот налог. Он назывался *impôt moralisateur* – воспитательный, или приучающий к нравственности, налог. То есть он был призван, выражаясь языком той эпохи, втолковать аборигенам ценность работы. Поскольку «воспитательный налог» нужно было уплачивать вскоре после сбора урожая, крестьянам было проще всего получить деньги, продав часть собранного риса китайским или индийским торговцам, которые быстро обосновались в мелких городках страны. По очевидным причинам после сбора урожая рыночные цены на рис были минимальны; если кто-то продавал слишком много риса, это означало, что ему могло не хватить на пропитание семьи в течение всего года, и тогда он должен был покупать собственный же рис в кредит у тех же самых торговцев, но уже по гораздо более высокой цене. В результате крестьяне влезали в огромные долги (торговцы брали ростовщические проценты). Было легче всего выплатить долг, начав выращивать какую-нибудь товарную культуру на продажу – кофе или ананасы – или отправляя одного из детей на заработки в город или на одну из плантаций, которые устраивали на острове французские колонисты. Весь этот проект может показаться не более чем циничной схемой эксплуатации дешевого крестьянского труда. Таким он и был, но у него была еще и другая цель. Колониальное правительство откровенно говорило (по крайней мере, в документах, предназначенных для внутреннего пользования) о том, что у крестьян должно оставаться на руках хоть немного денег и что они должны привыкнуть к безделушкам вроде зонтиков, губной помады и печенья, которые продавались в китайских магазинах. Важно было привить им новые вкусы, привычки и создающие потребительский спрос ожидания, которые сохранятся после ухода завоевателей и навсегда привяжут Мадагаскар к Франции.

Но люди в массе своей не идиоты, и большинство мальгашей прекрасно поняли, что пытались сделать с ними завоеватели. Некоторые решили сопротивляться. Через шестьдесят с лишним лет после покорения острова французский антрополог Жерар Альтаб наблюдал, как жители деревень на восточном побережье послушно приходили на кофейные плантации, чтобы заработать деньги на уплату подушного налога, а уплатив его, намеренно игнорировали товары, продававшиеся в местных лавках, и отдавали все оставшиеся деньги старейшинам рода, которые покупали на них скот для принесения жертв предкам ⁷¹. Многие вполне открыто говорили, что, по их мнению, так они избегали ловушки.

Однако такое сопротивление редко когда длится вечно. Постепенно рынки появились даже в тех частях острова, где никогда прежде не существовали, а с ними неизбежно возникла и сеть мелких лавок. Когда я оказался там в 1990 году, поколение спустя после отмены подушного налога революционным правительством, логика рынка настолько проникла в сознание людей, что даже духовные медиумы произносили речи, которые казались заимствованными у Адама Смита.

Такие примеры можно приводить до бесконечности. Нечто подобное произошло во всех завоеванных европейцами частях света, где еще не было рынков. Так и не обнаружив меновой торговли, они в конце концов стали использовать приемы, отвергавшиеся классическими экономистами, для того чтобы создать нечто похожее на рынки.

⁷¹ Об этом налоге: Jacob 1987; об исследовании в селении Бетсимисарака: Althabe 1968; о подобных исследованиях на Мадагаскаре: Fremigacci 1976; Rainibe 1982; Schlemmer 1983; Feeley-Harnik 1991. В целом о колониальной налоговой политике в Африке: Forstater 2005, 2006.

В поисках мифа

Антропологи жаловались на миф о меновой торговле почти целое столетие. Иногда экономисты отмечали с легким раздражением, что они продолжают рассказывать несмотря ни на что всё ту же историю по одной простой причине: антропологи так и не предложили ничего лучшего ⁷². Возражение вполне понятное, но на него есть и простой ответ. Антропологи так и не смогли предложить ясную и убедительную историю происхождения денег потому, что, судя по всему, такой истории вообще не было. Деньги никто не изобретал, точно так же как не были «изобретены» музыка, математика или ювелирное искусство. То, что мы называем «деньгами», вовсе не «вещь», а лишь способ математического сравнения вещей, подобный пропорции: например, один икс равен шести игрекам. Такое использование денег, возможно, возникло уже тогда, когда человек научился думать. Когда мы пытаемся выяснить детали, то обнаруживается, что существует множество различных обычаев и практик, которые слились в то, что мы теперь называем «деньгами», и именно по этой причине экономистам, историкам и всем остальным так трудно предложить их единое определение.

Долгое время приверженцам кредитной теории мешало отсутствие у них столь же убедительной версии, как традиционная. Но это не значит, что все участники споров о деньгах, которые велись между 1850 и 1950 годом, не могли прибегнуть к собственному мифологическому оружию. Это хорошо видно на примере Соединенных Штатов. В 1894 году гринбекеры, настаивавшие на том, что доллар необходимо отвязать от золота, чтобы позволить правительству свободно тратить деньги на создание рабочих мест, решили устроить марш на Вашингтон – эта идея впоследствии стала в США очень популярной. Книга Л. Фрэнка Баума «Удивительный волшебник из страны Оз», изданная в 1900 году, считается иносказательным рассказом о популистской кампании Уильяма Дженнингса Брайана, который дважды баллотировался на пост президента, выступая с программой «свободного серебра». Суть ее заключалась в замене золотого стандарта на биметаллическую систему, которая дала бы возможность свободно выпускать серебряные деньги наряду с золотыми ⁷³. Как и в случае гринбекеров, одними из главных сторонников движения стали должники, особенно семьи фермеров со Среднего Запада вроде семьи Дороти, многие из которых утратили право выкупать свое заложенное имущество во время тяжелой рецессии 1890-х годов. В популистском прочтении Злые Ведьмы Востока и Запада представляли собой банкиров Восточного и Западного побережий (инициаторов политики ограничения денежного предложения и ее выгодополучателей), Страшила воплощал фермеров (у которых не было мозгов, чтобы избежать долговой ловушки), Железный дровосек был промышленным пролетариатом (у которого не было сердца, чтобы поддержать фермеров), а Трусливый Лев отражал политический класс (у которого не хватило смелости вмешаться). Дорога из желтого кирпича, серебряные башмачки, изумрудный город и незадачливый Волшебник говорят сами за себя ⁷⁴. Оз – это стандартная аббревиатура «унции» ⁷⁵. Как попытка

⁷² Так считают, например, Хайнсон и Стейгер (Heinsohn & Steiger 1989: 188–189).

⁷³ Серебро добывалось на самом Среднем Западе, и принятие биметаллизма с его золотым и серебряным обеспечением денег рассматривалось как шаг по направлению к свободным кредитным деньгам, который позволил бы местным банкам создавать деньги. В конце XIX века в Соединенных Штатах шло становление современного корпоративного капитализма, которому оказывалось яростное сопротивление. Главным полем битвы в этой борьбе стала централизация банковской системы, а одной из ведущих форм сопротивления – мутуализм, то есть народные демократические (не нацеленные на получение выгоды) банковские и страховые договоренности. Сторонники биметаллизма были более умеренными наследниками гринбекеров, которые призывали вообще освободить банкноты от привязки к чему-либо, как это сделал Линкольн на короткий срок во время Гражданской войны (хорошее изложение исторического фона этих событий дает Дайг (Dighe, 2002)).

⁷⁴ В фильме серебряные башмачки стали рубиновыми.

⁷⁵ Некоторые высказывали предположение, что сама Дороти представляла Теодора Рузвельта, поскольку «дор-о-ти» – это «те-о-дор», только со слогами в обратном порядке.

создать новый миф история Баума оказалась на редкость удачной, а вот как политическая пропаганда – не очень. Уильям Дженнингс Брайан в общей сложности трижды провалился на президентских выборах, серебряный стандарт так и не был принят, и сегодня мало кто помнит, с какой целью изначально задумывался «Удивительный волшебник из страны Оз» ⁷⁶.

Для сторонников теории государственных денег это было проблемой. Истории о правителях, которые используют налоги для создания рынков на завоеванных территориях, для выплаты жалования солдатам или для покрытия других государственных нужд, не сильно вдохновляют. Немецкие идеи о том, что деньги – это воплощение национального духа, тоже не обрели особой популярности.

Вместе с тем всякое крупное экономическое потрясение наносило очередной удар по общепринятой либеральной теории. Кампания Брайана стала реакцией на Панику 1893 года. Во времена Великой депрессии 1930-х годов сама мысль о том, что рынок может сам себя регулировать, а правительство должно обеспечивать прочную привязку денег к драгоценным металлам, полностью себя дискредитировала. Приблизительно с 1933 по 1979 год правительства всех крупных капиталистических стран полностью сменили курс, приняв кейнсианство в той или иной форме. Кейнсианская теория отталкивалась от предположения о том, что капиталистические рынки могут функционировать лишь тогда, когда капиталистические правительства берут на себя заботу о них, то есть стимулируют экономику за счет наращивания дефицита во время спада. В 1980-х годах Маргарет Тэтчер в Великобритании и Рональд Рейган в США устроили целый спектакль, отвергнув этот принцип на словах, но неясно, действительно ли это произошло на деле ⁷⁷. В любом случае они действовали уже после того, когда по классической монетарной теории был нанесен еще более мощный удар: им стало решение, принятое Ричардом Никсоном в 1971 году и заключавшееся в том, что доллар был полностью отвязан от драгоценных металлов, международный золотой стандарт был отменен, а на смену ему пришла система плавающих валютных курсов, которая с тех пор доминирует в мировой экономике. Это означало, что все национальные валюты теперь стали, по выражению экономистов неоклассической школы, «фиатными деньгами», обеспеченными лишь общественным доверием.

Джон Мейнард Кейнс прислушивался к доводам «альтернативной традиции», как он ее называл, кредитной и государственной теорий намного больше, чем любой другой экономист его масштаба (а Кейнс остается крупнейшим экономическим мыслителем XX века) до или после него. До некоторой степени он и сам погрузился в эту традицию: в 1920-х годах он несколько лет изучал месопотамские клинописные банковские записи, пытаясь выявить происхождение денег, – это было его «вавилонское безумие», как он говорил позднее ⁷⁸. Его выводы, изложенные в самом начале «Трактата о деньгах», его самой известной работы, более или менее соответствовали единственному заключению, к которому только можно прийти, если опираться не на базовые принципы, а на тщательное исследование исторических свидетельств. Состояли эти выводы в том, что точка зрения чудаков была верной. Какими бы ни были более ранние истоки денег, в последние четыре тысячи лет они были творением государства. Люди, отмечал он, заключают друг с другом контракты. Они берут кредиты и обещают их выплатить.

Таким образом, государство выступает прежде всего как законная власть, которая добивается оплаты того, что соответствует контракту по названию или

⁷⁶ Подробное рассмотрение «Волшебника из страны Оз» как «монетарной аллегории» см. в: Littlefield 1963 и Rockoff 1990. Баум никогда не признавал, что у книги есть политический подтекст, но даже те, кто сомневается, что он действительно имеется (например, Parker 1994; cf. Taylor 2005), признают, что очень скоро книге приписали такой смысл: явные политические отсылки имелись уже в мюзикле 1902 года, поставленном всего через два года после публикации произведения.

⁷⁷ Рейгана легко можно было бы представить как приверженца крайнего военного кейнсианства, который использовал бюджет Пентагона для создания рабочих мест и стимулирования экономического роста; как бы то ни было, те, кто на самом деле управлял системой, даже на словах отказались от монетарной доктрины очень быстро.

⁷⁸ См.: Ingham 2000.

по описанию. И выступает в этой роли вдвойне, когда к тому же присваивает себе право определять и провозглашать, что именно соответствует этому названию, и право время от времени менять это определение, то есть менять смысл слов. Это право присваивают себе все современные государства и присваивали их предшественники на протяжении по меньшей мере четырех тысяч лет. Когда была достигнута эта стадия эволюции денег, хартальная теория Кнаппа, в соответствии с которой деньги создаются государством, в полной мере подтвердилась... Все сегодняшние цивилизованные деньги, вне всякого сомнения, являются хартальными ⁷⁹.

Это не означает, что государство обязательно *создает* деньги. Деньги – это кредит, они могут появляться благодаря частным договорным соглашениям (например, кредитам). Государство просто обеспечивает их выполнение и диктует юридические условия. А вот следующее утверждение Кейнса: банки создают деньги, и ничто их в этом не ограничивает – ведь сколько бы они ни давали в долг, заемщику не остается ничего, кроме как опять положить деньги в какой-нибудь банк, а значит, с точки зрения банковской системы в целом дебет и кредит взаимно уравнивают друг друга ⁸⁰. Последствия этого были радикальными, только вот Кейнс радикалом не был. Он всегда старался формулировать проблему так, чтобы ее можно было реинтегрировать в экономическую науку его эпохи.

Да и мифотворцем Кейнс не был. Альтернативная традиция смогла предложить ответ на миф о меновой торговле благодаря усилиям не самого Кейнса (он в конечном счете решил, что вопрос о происхождении денег не имел особого значения), а отдельных современных неокейнсианцев, которые не побоялись максимально развить некоторые из его наиболее радикальных идей.

Самым слабым звеном в государственно-кредитных теориях денег был вопрос о налогах. Одно дело – объяснить, почему ранние государства требовали уплаты налогов (чтобы создать рынки). Совсем другое – задаться вопросом «А по какому праву?». Если признать, что древние правители не были обыкновенными бандитами, а налоги не были банальным вымогательством (насколько мне известно, ни один сторонник кредитной теории не придерживался столь циничной оценки ранних правительств), то нужно выяснить, чем они это оправдывали.

Сегодня все мы думаем, что знаем ответ на этот вопрос. Мы платим налоги, чтобы правительство могло нам предоставлять определенные услуги. Первая из них – обеспечение безопасности: военная защита зачастую была единственной услугой, которую были в состоянии оказывать ранние государства. Конечно, сегодня правительство предоставляет много чего еще. Считается, что всё это восходит к некоему изначальному «общественному договору», на который каждый согласился, хотя никто точно не знает, когда и кто это сделал и почему мы должны быть связаны решениями наших далеких предков в этой области, тогда как мы не считаем себя особо связанными их решениями, касающимися всего остального ⁸¹. Всё это имеет смысл,

⁷⁹ Keynes 1930: 4–5.

⁸⁰ Это называют банковским парадоксом. В крайне упрощенной версии он выглядит так: допустим, есть только один банк. Даже если этот банк предоставит вам кредит в триллион долларов на основе собственных активов самых разных видов, вы в конечном счете положите деньги обратно в этот банк, что будет означать, что банку будут должны один триллион и один триллион у него будет в виде оборотных активов, – эти суммы будут полностью уравнивать друг друга. Если банк будет брать с кредита больший процент, чем дает вам по вашему вкладу (банки всегда так поступают), то он будет получать прибыль. То же самое произойдет, если вы потратите триллион: кому бы ни достались эти деньги, он всё равно должен будет положить их в банк. Кейнс подчеркивал, что существование множества банков на самом деле ничего не меняет, при условии что банкиры координируют свои усилия, как на практике всегда и происходит.

⁸¹ Я мог бы заметить, что это предположение отражает логику неоклассической экономической теории, в соответствии с которой все базовые институциональные соглашения, определяющие контекст экономической деятельности, были приняты всеми сторонами в воображаемый момент в прошлом, и с тех пор все находилось и всегда будет находиться в равновесии. Интересно, что Кейнс напрямую отвергал это предположение в своей теории денег (Davidson 2006). Современные теоретики общественного договора иногда выдвигают схожий аргумент, заключающийся в том, что не нужно считать, что это произошло

если вы полагаете, что рынки появились раньше правительств, но обращается в ничто, когда вы понимаете, что это не так.

Есть и альтернативное объяснение, которое согласуется с государственно-кредитным подходом. Оно носит название «теории изначального долга». Ее разрабатывала группа французских исследователей – не только экономистов, но и антропологов, историков и специалистов по классическим языкам, которые изначально объединялись вокруг Мишеля Альетты и Андре Орлеана⁸², а позже вокруг Бруно Тере. Затем ее взяли на вооружение неокейнсианцы в США и Великобритании⁸³.

Эта теория появилась относительно недавно – в ходе споров о природе евро. Создание общей европейской валюты породило острые споры не только между интеллектуалами (подразумевает ли общая валюта появление общего европейского государства? или общей европейской экономики? или общества? это в общем и целом одно и то же или нет?), но и среди политиков. Идею о создании еврозоны отстаивала прежде всего Германия, центральный банк которой по-прежнему видит свою главную цель в борьбе с инфляцией. Более того, поскольку политика ограничения кредита и необходимость достижения сбалансированного бюджета использовалась как главное оружие в борьбе за сворачивание государства всеобщего благосостояния в Европе, она стала основным предметом споров между банкирами и пенсионерами, кредиторами и должниками, накал которых был не меньшим, чем в Америке 1890-х годов.

Главный аргумент теории изначального долга состоит в том, что любая попытка отделить монетарную политику от социальной в корне ошибочна, поскольку они являются единым целым. Правительства могут использовать налоги для создания денег потому, что они стали хранителями долга всех граждан друг перед другом. Этот долг – основа общества как такового. Он появился задолго до денег и рынка, которые служат лишь для того, чтобы раздробить его на мелкие части.

Изначально, гласит теория, это чувство долга выражалось не государством, а посредством религии. Чтобы обосновать эту идею, Альетта и Орлеан обратились к некоторым ранним религиозным санскритским произведениям – гимнам, молитвам, стихотворениям, собранным в Ведах, и к Брахманам, комментариям Вед, которые были составлены жрецами в последующие столетия и ныне считаются первоисточником индуистской мысли. Выбор не такой странный, каким он может показаться на первый взгляд. Эти тексты представляют собой самые древние известные нам размышления о природе долга.

Даже в самых ранних ведийских поэмах, сочиненных приблизительно между 1500 и 1200 годом до н. э., речь постоянно заходит о долге, который выступает синонимом вины и греха⁸⁴. Есть множество молитв, которые обращены к богам с просьбой освободить моля-

в действительности, достаточно сказать, что это могло произойти, и действовать так, как если бы так и было.

⁸² Альетта – марксист и один из основателей «Школы регулирования»; Орлеан – сторонник «экономики соглашений», его поддерживают Тевено и Болтански. Теория изначального долга развивалась в основном группой исследователей под руководством экономистов Мишеля Альетты и Андре Орлеана сначала в работе «La Violence de la Monnaie» (1992), где использовалась психоаналитическая схема Жирара, а затем в труде «Суверенитет, легитимность и деньги» (Sovereignty, Legitimacy and Money, 1995) и в сборнике под названием «Суверенные деньги» (Aglietta, Andreau и др. 1998), изданном коллективом из 11 ученых. В последних двух работах ученые перешли от схемы Жирара к модели Дюмона. В последние годы главным представителем этого направления был другой сторонник «Школы регулирования», Бруно Тере (Bruno Théret 1992, 1995, 2007, 2008). К сожалению, эти работы практически не переводились на английский язык, хотя резюме многих идей Альетты можно найти в: Grahl 2000.

⁸³ Например, Рэндалл Рей (Randall Wray 1990, 1998, 2000) и Стефани Белл (Stephanie Bell 1999, 2000) в Соединенных Штатах или Джеффри Ингем (Geoffrey Ingham 1996, 1999, 2004) в Великобритании. Майкл Хадсон и другие участники группы ISCANEE (Международная конференция исследователей древних экономик Ближнего Востока) использовали отдельные аспекты этой идеи, но, насколько я знаю, никогда полностью к ней не примыкали.

⁸⁴ Рна. Маламуд (Malamoud 1983: 22) отмечает, что уже в самом раннем тексте он означал и то, что «получено от богов в обмен на обещание вернуть им то же самое или хотя бы что-то сопоставимое по стоимости», и „преступление“ или „ошибку“. То же у Оливелля (Olivelle 1993: 48), который отмечает, что *рна «может означать ошибку, преступление или вину, часто всё это одновременно». Но это не то же самое, что «обязанность». Типичный образец ранних молитв об освобождении от долга

щегося от оков или уз долга. Иногда это относится к долгу в прямом смысле. Например, в Ригведе (10.34) дается длинное описание бедственного положения, в котором оказывается игрок: «Обремененный долгами, испуганно ищущий денег, // Идет он ночью в дом других (людей)». В других местах это чистая метафора.

В этих гимнах важную роль играет Яма, бог смерти. Быть в долгу значило нести бремя, возложенное Смертью. Иметь какое-либо невыполненное обязательство или неисполненное обещание по отношению к богам или к людям означало жить в тени Смерти. Даже в самых ранних текстах в понятие «долг» вкладывался более широкий смысл внутреннего страдания, об избавлении от которого человек молил богов, в первую очередь Агни, воплощавшего жертвенный огонь. Лишь в Брахманах комментаторы попытались связать все это в полноценную философскую концепцию. Вывод из нее вытекал такой: человеческое существование само по себе является формой долга.

Человек рождается в долгу; сам по себе он рожден для Смерти, и, лишь принося жертвы, он выкупает себя у Смерти ⁸⁵.

Поэтому жертвоприношение (а эти ранние комментаторы сами были жрецами) называется «данью Смерти». Ну или так оно обозначалось. На самом деле жрецы лучше, чем кто-либо другой, знали, что жертва приносится всем богам, а не только Смерти, которая была лишь посредником. Однако такая постановка вопроса неизбежно порождала проблему, которая возникает всякий раз, когда человеческая жизнь определяется таким образом. Если наши жизни – это заем, кто захочет выплачивать такой долг? Жить в долгу означает быть виновным, неполноценным. Но полноценность может означать уничтожение. Значит, жертвенная «дань» может рассматриваться как своего рода уплата процентов, при этом жизнь животного заменяет то, что является предметом долга, то есть нас самих, – это лишь способ отсрочить неизбежное ⁸⁶.

Комментаторы-жрецы предложили несколько путей выхода из этой дилеммы. Некоторые дальновидные брахманы стали говорить своим клиентам, что при правильном исполнении ритуал жертвоприношения позволяет полностью освободиться от человеческого существования и обрести вечность (а перед лицом вечности все долги теряют значение) ⁸⁷. Другой способ – расширить понятие долга, так чтобы все виды социальной ответственности стали долгами разного рода. В двух знаменитых отрывках из Брахман утверждается, что, рождаясь, мы оказываемся в долгу не только перед богами, с которыми мы расплачиваемся, принося жертву, но и перед мудрецами, которые создали ведийское учение и которым мы должны отплатить учением; перед нашими предками («Отцами»), с которыми мы должны расплатиться, родив детей; и, наконец, перед «людьми», что, видимо, означает перед всем человечеством, с которым мы расплачиваемся, предоставляя кров чужестранцам ⁸⁸. Всякий, кто ведет праведный образ жизни, постоянно выплачивает экзистенциальные долги разного рода; в то же время понятие долга вновь обретает смысл простого обязательства перед обществом, а значит, перестает быть таким страшным, как в значении, предполагающем, что само существование человека – это

см. в: Атхарваведа. Кн. 6, гимны 117, 118 и 119. Атхарваведа (Шаунака). Т. 1, кн. I–VII / пер. с ведийского языка, вступ. ст., коммент. и прил. Т. Я. Елизаренковой. М.: Восточная литература, 2005.

⁸⁵ Шатапатха-Брахмана. 3.6.2.16

⁸⁶ Как отмечал Сильвен Леви, наставник Марселя Мосса, если принимать брахманское учение всерьез, то «единственным настоящим жертвоприношением может быть только самоубийство» (1898: 133; см. также: A. B. Keith 1925: 459). Но, разумеется, никто так к этому не относился.

⁸⁷ Точнее, ритуал давал приносящему жертву возможность вырваться из мира, где всё, в том числе и он, было творением богов, обрести бессмертное, божественное тело, вознестись на небеса и тем самым «родиться в созданном им самим мире», в котором все долги могут быть выплачены, и выкупить свое покинутое смертное тело у богов (см., например, Lévi 1898: 130–132; Malamoud 1983: 31–32). Это, пожалуй, одно из самых смелых утверждений о действенности жертвоприношения, но схожие идеи приблизительно в это же время выдвигали и некоторые китайские священнослужители (Puett 2002).

⁸⁸ В тексте, с которого я начал главу, они указываются как «риши», но, поскольку это относится к авторам священных текстов, это применение термина представляется обоснованным.

заем, взятый у Смерти ⁸⁹. Не в последнюю очередь потому, что обязательства перед обществом носят двусторонний характер. Например, когда у человека появляются дети, он становится и должником, и кредитором.

По сути, авторы теории изначального долга предположили, что идеи, изложенные в этих ведийских текстах, не принадлежат к определенной интеллектуальной традиции, которой придерживаются специалисты, изучающие ранний железный век в долине Ганга, а являются основой самой природы и истории человеческой мысли. Вот, например, отрывок из эссе с многообещающим названием «Социокультурные измерения денег: предпосылки перехода к евро», которое французский экономист Бруно Тере опубликовал в «Журнале потребительской политики» в 1999 году:

В основе денег лежит «отношение представления» смерти как невидимого мира, лежащего до и за пределами жизни. Это представление является порождением присущей человеческому роду символической функции, которая рассматривает рождение как первородный долг, возложенный на всех людей, долг перед вселенскими силами, создавшими человечество.

Уплата этого долга, полное возвращение которого на Земле находится за пределами человеческих возможностей, приобретает форму жертвоприношений. Восполняя кредит существования, они позволяют продлить жизнь, а в некоторых случаях – даже достичь бессмертия и примкнуть к сонму богов. Но эта начальная предпосылка веры также связана с появлением верховной власти, чья легитимность основана на способности представлять собой весь изначальный космос. Именно эта власть изобрела деньги, служившие средством возвращения долгов. Абстрактность этого средства позволяет разрешить парадокс жертвоприношения, поскольку превращает убийство в постоянный инструмент защиты жизни. Благодаря этому институту вера находит воплощение в монетах с изображением суверена – так деньги пускаются в обращение, а их возврат обеспечивается другим институтом, коим является налог/уплата долга за жизнь. Так деньги приобретают также функцию средства платежа ⁹⁰

⁸⁹ Здесь я объединяю две версии, которые слегка различаются между собой: в «Тайттирия-самхита» (6.3.10.5) говорится, что все брахманы рождаются с долгом, но упоминаются только боги, Отцы и мудрецы – об обязательстве оказывать гостеприимство речи не идет; в «Шатапатха-Брахмана» (1.7.2.1–6) указывается, что все люди рождаются в долгу, и перечисляются все четыре его вида; но это произведение было, по-видимому, адресовано мужчинам каст «дважды рожденных». Полную дискуссию см. в: Malamoud 1983 и Olivelle 1993: 46–55, а также Malamoud 1998.

⁹⁰ Théret 1999: 60–61.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.